

ЭХО

ПОЭТИЧЕСКОЙ

СТРОКИ

Я далек от мысли навязать читателям свои “невоспитанные” литературоведческие оценки русской поэзии, попытки создать антологию или хрестоматию. Мои цели в другом - через свое субъективное восприятие поэзии заинтересовать читателей, познакомить, а может быть напомнить, о том, что является подлинным предметом национальной гордости - русским поэтическим наследием. С другой стороны, очевидный интерес представляет наблюдение за развитием того мощного орудия мышления, которое привычно называется русским языком, способным находить слова-набаты, определявшие судьбы целых поколений.

Ученый мыслит понятиями, поэт, художник, писатель - образами. Поэтический образ мышления в высшей степени диалектичен по своей природе и, благодаря своей свободе, часто оказывался эффективнее науки в духовно-практическом освоении мира - гуманистические идеалы свободы, равенства и братства, самоценности человеческой жизни созданы поэтами в те времена, когда наука по своему младенчеству такими сложными понятиями еще не могла заниматься.

Так разрешите мне обратить ваше внимание на то, что мне кажется интересным, и пригласить вас не на островок отдохновения, а к роднику, из которого берет исток стремнина человеческого творчества, питается самая смелая и созидательная фантазия, к роднику поэзии.

Павел С. Лернер

ПЕТР ВЕЛИКИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Так называл его В.Г.Белинский, полагавший, что именно с ломоносовской “Оды на взятие Хотина” “должно считать начало русской литературы”- Ломоносов первый почувствовал всю недостаточность реформы, предложенной филологом, одописцем, переводчиком и теоретиком литературы Василием Кирилловичем Тредиаковским, который боролся за чистоту и усовершенствование родного языка, составил грамматику и словарь, и который в стихотворном труде “Наука о стихотворении и поэзии” в середине 18века писал:

Излишнее в словах не вкусно есть и гадко:

Ум отвергает все, уж сытый, что не кратко.

Кто меры не познал, не знает тот писать!

Я специально искал и привел образец стихотворного письма Тредиаковского, чтобы дать представление о правилах, связывавших Ломоносова, когда он ощутил потребность откликнуться на героический подвиг русских воинов, взявших турецкую крепость Хотин. Из практики и вместе с практикой написания героической “Оды” родилась потребность углубления и расширения реформы языка и стихосложения - в Петербургскую Академию наук Ломоносова трактат о русском стихосложении. О чем этот трактат? О свободе, об освобождении русской поэзии от ограничений в области рифмы, о теории “трех штилей” - чтобы писатели пользовались словесными богатствами русского языка “рассудительно”, применяя их по-разному, в зависимости от поставленной художественной задачи.

Его поэтическое наследие обширно, разнообразно и поучительно. Выступая как поэт, он продолжал мыслить как великий ученый-материалист. Он защищает учение Коперника от “пугливых невежд” и их нападков на передовое мировоззрение, противопоставляя им дерзкую мысль ученого, которая не ставит перед собой никакого предела. Подвиг ученого для него - служение людям, творимое им благо. Он сравнивал подвиг ученого и подвиг Прометея, который становится в его поэзии символом многовековой борьбы науки с суеверием, догматизмом, тьмой.

Ломоносов делает научное мышление предметом поэзии. Поэзия, как и наука, была для него средством познания объективно существующего мира. Поэзия его иногда как бы предвосхищала научное понимание явлений - в 1743году он писал о Солнце:

Там огненны валы стремятся

И не находят берегов,

Там вихри пламенны крутятся,

Борющись множество веков;

Там камни, как вода, кипят.

Горящи там дожди шумят.

Заметьте, что написано это лет за сто пятьдесят до возможных и доступных исследований процессов, происходящих на Солнце.

Со школьных лет нам хорошо известны образцы ломоносовской гражданской поэтики, демократический адрес которой не оставляет сомнений - он призывал простых русских людей овладевать научными знаниями, добивается открытия в 1755году в Москве первого университета, прилагает усилия к тому, чтобы открыть доступ в университет и Академию наук “всякого звания людям”, выдвигает и отстаивает программу прогрессивного развития страны. Это идейное содержание определяет народность его поэзии (а не упоминание народа и не обращения к “сельским нимфам” - как, к сожалению, иногда не верно понимают народность), обеспечивает почетное место в русской национальной культуре:

О вы, которых ожидает

Отечество от недр своих

И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

А вот другие стихи, актуальность которых не ослабевает без малого четверть тысячелетия:

Российска тишина пределы превосходит
И льет избыток свой в окрестные страны:
Воюет воинство твое против войны;
Оружие твое Европе мир приводит!

Не правда ли, последнюю строчку трудно оторвать от информации телевизионных передач “Сегодня в мире” или “Международная панорама”?

16 января 1982 г.

ГУВЕРНЕРЫ ГЕНИЯ

Иногда нам присущ некоторый, я бы сказал, мистический подход к новым явлениям - нам хочется себя убедить, что новое берется из ничего, из ниоткуда. Особенно часто мы таким образом обращаемся с гениями - например, Пушкин создал, открыл, определил... Вот почему мне хочется напомнить вам о русских поэтах, которые, если позволить себе некоторую вольность, были творческими гувернерами пушкинского гения.

Замечу сразу, что к творчеству этих поэтов - а ими были Сумароков, Батюшков и Жуковский - Пушкин относился сложно и, на мой взгляд, старался скорее, используя законы отрицания, превзойти ими достигнутое. Видимо, такова природа нового и прогресса.

Александр Петрович Сумароков родился в 1717 году, принадлежал старинному дворянскому роду, образование получил домашнее и в Сухопутном шляхерном корпусе (это специальное учебное заведение иногда называли “Рыцарской академией”), в 1756 году был назначен директором новоорганизованного Российского театра, с этой должности ушел в отставку (не по своей воле, а под нажимом придворной реакции - расплата за иронически-критический склад ума и, мягко говоря, неровный характер).

Его творчество особой художественной ценности не имеет, а вот в историческом плане знаменательно. С одной стороны, его отличало критическо-сатирическое отношение к дворянско-бюрократической русской действительности (у него хватило смелости стать в оппозицию Екатерине II и придворной кучке дворян во главе с братьями Орловыми - грубой, малокультурной, наглой), оцененное Белинским, Чернышевским, Добролюбовым. С другой стороны, большое значение имела разработка Сумароковым русского языка - он, пожалуй первым, пользовался в своем творчестве обыкновенным разговорным языком культурного столичного дворянства (что, по мнению Тредиакова и Ломоносова, было проявлением литературной необразованности), свободно нарушал устаревшие нормы.

Он был дерзок - устами одного из действующих лиц трагедии “Димитрий Самозванец” откровенно показал свое отношение к Екатерине II:

Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостным лукавцам я подобен.
Вот поступь, если царь неправеден и злобен.

Василий Андреевич Жуковский и Константин Николаевич Батюшков первыми обратились к изображению и анализу внутреннего мира человека - Пушкин учился у них искусству психологической лирики.

В 1820 году автор знаменитой "Светланы" подарил автору ставшей классикой поэмы "Руслан и Людмила" свой портрет со знаменитой надписью: "Победителю ученику от побежденного учителя". И хотя в середине 20-х годов для Пушкина творчество Жуковского не представляло интереса, он благодарно в письмах называл его "кормилицей", "точно ученик его".

Жуковский чуждался прогрессивных идей, дальше "средневекового романтизма" он не пошел, но поэтический язык обогатил, разнообразил:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали;
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили...

Пушкин, декабристы, а потом Белинский, Горький были очень высокого мнения о переводческом творчестве Жуковского, которое было необычайно широко - Т. Мур, В. Скотт, Байрон, Шиллер, Гете, Парни, Лафонтен и великолепный апофеоз: "Одиссея" Гомера.

Это Жуковскому принадлежит крылатая фраза: "Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах - соперник", он практический основоположник теории перевода - дела трудного и захватывающего, если судить по заметкам нашего современника Л. Гинзбурга (см. журнал "Новый мир" за прошлый год).

18 января 1982 г.

ДРУЗЬЯ РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ

В литературоведении существует даже специальное название - поэты пушкинской поры, для обозначения тех интересных, самобытных, образованных и прогрессивно настроенных молодых поэтов, без, как мы теперь говорим, доброжелательного фона которых, без одобрения, без жгучего интереса к творчеству и просто без дружбы которых, пушкинский гений никогда бы не набрал силы, не стал бы общественно-культурным явлением. Что и говорить, за последние сто пятьдесят лет любое творчество сохраняет чувствительную потребность в одобрении, в дружеской критике и поддержке.

Жуковский и Батюшков, Крылов по праву должны быть отнесены к более ранним этапам развития русской поэзии, а вот Лермонтов, хотя тоже был современником Пушкина, - к более поздним. Мое маленькое исследование (честно скажу, ограниченное домашней библиотекой) позволило мне насчитать семнадцать наиболее крупных (то есть оставивших достаточно заметные следы сборниками стихов, удачными строчками, замечательностью личностей), из которых, конечно, для меня да и, наверное, объективно, наибольший интерес представляют поэты-декабристы.

Для многих из них краеугольным камнем становления общественно-политического и философского мировоззрения была показанная в Отечественной войне 1812 года могучая сила русского народа. Личное участие и проявленная храбрость в походах, приобщение к пробуждению национального самосознания и общественной активности народных масс выдвинули их в славный отряд молодых генералов и полковников 1812 года - помните у Цветаевой:

И чьи глаза, как бриллианты,

На сердце оставляли след, -
Очаровательные франты
Минувших лет!
Вам не вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

В своих стихах они воскрешали образы народных героев и вождей - борцов за свободу и независимость, образы древнерусских героев, темы новгородской и псковской вольницы. Образ поэта в декабристской поэзии - образ вдохновенного "певца народных благ", непримиримого врага деспотизма. "Самым выдающимся деятелями дворянского периода, - писал В.И. Ленин, - были декабристы и Герцен".

Конечно, они были еще очень далеки от народа, но им уже была понятна и близка "конечная мудрость" гетевского Фауста.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Поэтов пушкинской поры удивительно объединяет трагизм их жизней: кто был повешен, кто провел десятки лет в заточении, кто разделил судьбу декабристов в копьях и на поселениях, кто заболел душевно. Но были и такие, которых реакция подавила, сломала, изуродовала - они пришли в стан врагов, изменили идеалам юности, свернули со столбовой дороги общественно-политического прогресса и заслужили... забвения.

Это о них можно сказать строкой Вл. Высоцкого:

Кто кончил жизнь трагически,
Тот истинный поэт.

А если в точный срок, так в полной мере.

Конечно, рассказать обо всех поэтах пушкинской поры мне не удастся, но добрым словом помянуть тех, кто способствовал становления пушкинского гения, дарил великого поэта дружбой, очень хочется. Бесспорно, влияние Пушкина на их творчество было огромно. Но вот что мне кажется: без Пушкина они были бы, в общем-то, тем чем были; без них Пушкин не стал бы гением, классиком русской и мировой литературы - они были, выражаясь современными оборотами, питательной средой в вакууме дворянско-бюрократической спеси света, равнодушия царского двора, задавленного крепостничеством, содержащегося во тьме необразованности русского народа.

18 января 1982

ПЕРВЫЙ ДЕКАБРИСТ

Его революционная деятельность была раскрыта властями еще за четыре года до восстания 14 декабря.

Он родился в марте 1795 года в семье богатого и влиятельного курского помещика, учился в благородном пансионе при Московском университете, в Дворянском полку. Накануне Отечественной войны 1812 года был выпущен прапорщиком артиллерии, участвовал во многих сражениях, за Бородино получил золотую шпагу с надписью: "За храбрость".

В 1816 году блестящий офицер Владимир Федосеевич Раевский вышел в отставку - свой поступок он объяснил нежеланием служить в обстановке реакционного аракчеевского режима, когда "требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности".

Раевский был широко образованный человеком, был прекрасно знаком с историей, особенно литературы, слыл любителем русской народной словесности.

В 1818 году обстоятельства заставили его вернуться на военную службу. В

Кишиневе он вскоре стал активным членом ячейки Союза Благоденствия - одной из ранних декабристских организаций. Развернул революционно-пропагандистскую деятельность: внушал солдатам идеи свободы и равенства, рассказывал о французской революции и революционных событиях в Испании, разъяснял основы конституционного правления. Написанное им в 1822 году публицистические сочинения "О рабстве крестьян", "О солдате" содержали горячий протест против палочной дисциплины и всяческого угнетения.

В 1821 году Пушкин, сосланный в Бессарабию, познакомился и сблизился с Раевским, душевное благородство, смелость и прямота которого производили глубокое впечатление. Под влиянием бесед с Раевским на излюбленные им темы славянской вольности Пушкин обдумывал план свобододлюбивой поэмы. Современники отчетливо узнали адресатов его обращения из одиночной камеры крепости, легко понимаем и мы обращение к Пушкину:

Оставь другим певцам любовь!

Любовь ли петь, где брызжет кровь,

Где племя чуждое с улыбкой

Терзает нас кровавой пыткой,

Где слово, мысль, невольный взор

Влекут, как ясный заговор,

Как преступление, на плаху...

6 февраля 1822 года Раевский был арестован и обвинен в ведении "возмутительной" пропаганды среди солдат и юнкеров. Успел уничтожить бумаги, которые могли бы навести сыск на тайное общество. На допросах, перед лицом озлобленных и пристрастных судей, держался достойно и мужественно. Прямых улик против него не было, но четыре года его держали в Тираспольской крепости, после 14 декабря - в Петропавловской, потом еще два года - в польской крепости Замосвье.

"Пожал я жизни первый плод..."

В 1827 году его приговорили к ссылке в Сибирь. С упорством и "мраморной волей" он занимался земледелием, сельским хозяйством. Женился на крещеной бурятке, сумел дать образование детям. "Я потерял чины, ордена, меня лишили наследственного имения, - писал он, - но умственные мои силы, физическая крепость, мое имя - остались при мне".

"Как истукан, немой народ

Под игом дремлет в тайном страхе:

Над ним бичей кровавый род

И мысль, и взор казнит на плахе..."

В 1856 году Раевский в числе других доживших до того времени декабристов был арестован. В 1858 году он посетил Москву и Петербург, но вернулся в Сибирь, с которой сроднился, где и умер в 1872 году.

"К моей отчизне устремил

Я, общим злом пресытясь, взоры..."

Стихи Раевского представляют собой замечательные образцы русской революционной поэзии декабристской эпохи.

24-25 января 1982 г.

“ОН ИДЕТ СВОЕЮ ДОРОГОЮ...”

В 1825 году Пушкин о нем писал: “Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке - но он идет своею дорогою. Он в душе поэт... Чтоб он писал - да более, более!”

Согласитесь, что такая оценка может возвестить о рождении крупного поэта, но избран был другой путь - в день восстания 14 декабря 1825 года была проявлена кипучая деятельность на Сенатской площади, вечером арест, после семимесячного заключения 13 июля 1826 года, тридцатилетний Кондратий Федорович Рылеев в числе пяти декабристов, “кои по тяжести злодеяний оставлены вне разрядов и вне сравнения с другими” (как сказано в приговоре суда), был повешен в Петропавловской крепости.

Опубликование им сатиры “К временщику” сильно возбудило общественное мнение, еще не успокоившееся после подавления в октябре 1820 года бунта солдат гвардейского Семеновского полка.

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарх хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами злодей!

Чтобы избежать цензурных осложнений, Рылеев применил обычный в тогдашней литературе прием - облек свое стихотворение в форму подражания Персиейевой сатире “К Рубеллию”. Но в образе “временщика” все узнали ненавистного вдохновителя политической реакции, изобретателя знаменитых “военных поселений”, изощренного крепостника - царского любимца и советника Аракчеева.

Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

Литература была для Рылеева прежде всего формой практической общественной деятельности - он вступает в Общество любителей российской словесности, своего рода секцию тайного Союза Благоденствия. Из создания образа поэта-борца, трибуна и агригатора вырастает замечательная формула: “Я не поэт, а гражданин”, предвосхитившая знаменитые стихи Некрасова. А сам образ включает в себя черты и самого автора:

К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит,
Как вольный славянин, душой
Он раболепствовать не может...

В октябре 1823 года Рылеев был принят в тайное Северное общество и вскоре стал фактическим его руководителем.

“Своя дорога” привела Рылеева к созданию “агитационных песен”, являющихся в русской поэзии одними из самых ярких революционных произведений с точным адресом - широким массам русского народа.

Царь наш, немец прусский,
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Царствует он где же?
Целый день в манеже.

Видное место в творческом наследии Рылеева занимают “думы” - небольшие исторические баллады, в которых он как бы указывал своим современникам путь борьбы со злом, старался “возбудить доблесть сограждан подвигами предков”:

“Иван Сусанин”, “Наливайко”, “Войнаровский”. Сто шестьдесят лет назад в думе “Смерть Ермака” им были написаны строки:

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
январь 1982г.

К Ю Х Л Я

Под этим смешным детским прозвищем он был известен в Лицее, где учился с Пушкиным, Дельвигом. Под этим прозвищем он стал известен миллионам советских людей, по известному роману Ю. Тынянова, благодаря которому с 1925 года о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере стало известно больше, чем то, что он был другом Пушкина и что лицейские друзья смеялись над его стихами.

Он был на два года старше Пушкина. Учился превосходно и был очень начитан в самых разнообразных областях знаний. Пушкин сказал о нем, что уже в лицее (друзья держали публичные выпускные экзамены в мае 1817 года) он был “живым лексиконом (словарем) и вдохновенным комментарием”. Но ранние его стихи были нескладны.

Директор Лицея Малиновский и профессор нравственных и политических наук Куницын внушали критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю, обильно сеяли зерна политического свободомыслия. Еще в Лицее Кюхельбекер стал членом “Священной артели”, нелегального преддекабристского кружка.

После окончания Лицея и недолгой службы в Архиве министерства иностранных дел Кюхельбекер, говоря современным языком, отправился в зарубежную командировку, в которой его, если судить по стихотворению “Прощание”, привлекали

Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей.

В Париже Кюхельбекер читал лекции о русской литературе. После одной лекции, в которой он говорил о древнем вольном Новгороде, ему было приказано через русское посольство немедленно вернуться домой. В Петербурге Кюхельбекера ожидали строгие внушения, опала. Только заступничеству своих друзей он обязан тем, что сумел устроиться на службу при “проконсуле Кавказа” генерале Ермолове в тогдашнем Тифлисе.

Из-за столкновений с одним из чиновников вынужден был оставить службу, вернуться в Россию. С 1824 года совместно с Одоевским издавал альманах “Мнемозина”, в котором была напечатана его статья “О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие”, ставшая своеобразным манифестом гражданского направления в литературе, осуждавшим подражание и унылый элегический романтизм.

В конце 1825 года был принят в тайное Северное общество. 14 декабря он был в рядах повстанцев на Сенатской площади, пытался застрелить великого князя. Был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги. Но вместо каторги провел более десяти лет в одиночном заключении в пяти крепостях, в конце 1835 года был сослан в Восточную Сибирь.

В 1827 году Пушкин на глухой почтовой станции случайно встретился с арестантом Кюхельбекером. Друзья едва успели обняться, как их растащили жандармы.

В крепостях, в ссылке Кюхельбекер усиленно занимался литературным трудом, писал стихи, поэмы и драматические произведения, большинство из которых стало известным лишь в советские годы.

Тяжкие лишения сделали его больным стариком, привели к полной потере зрения.

Он умер в 1846 году.

В 1845 году Марии Николаевне Волконской он написал:

Людская речь - пустой и лицемерный звук,
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатые рук -
Вот переводчики избытка дум и чувства.

Слепота, глухой Тобольск, непосильная борьба за существование и гордость за принадлежность к "орлиной стае" декабристов.

В том же 1845 году в стихотворении "Участь русских поэтов" были написаны рвущие душу строки:

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию. . .
январь 1982 г.

ТОВАРИЩ ЧИСТЫХ ПОМЫШЛЕНИЙ

В 1830 году он стал редактором "Литературной газеты", служившей органом писательской группы, объединявшейся вокруг Пушкина. При всем своем отчуждении от острой политической борьбы ему не удалось избежать столкновений с правительством - враги его газеты усердно писали доносы в цензуру и полицию. Когда в газете был напечатан перевод стихотворения, посвященного революции 1830 года во Франции, ему пришлось выдержать оскорбительные для него объяснение с Бенкендором, который угрожал ссылкой в Сибирь.

Газету запретили. Все это было тяжело. Он не смог всего этого вынести - ровно через шесть лет и один месяц после восстания на Сенатской площади Дельвиг скоропостижно скончался.

Пушкин глубоко переживал утрату. "Никто на свете не был мне ближе Дельвига, - писал он с болью. - Изю всех связей детства он один оставался на виду - около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели".

Зимой 1831 года Пушкин написал:

. . . мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Родился лицейский товарищ, задушевный друг и литературный соратник Антон Антонович Дельвиг в 1798 году в Москве в семье обедневшего обрусевшего прибалтийского барона.

Уже в лицейские годы он сблизился с тайным поддекабристским кружком - "Священная артель", участники которого помимо лозунгов политического протеста высоко несли культ патриотизма, дружбы и братства.

Революционным поэтом Дельвиг не стал. Борьба против "зла существующего порядка вещей" не наполнила его стихи, но воспевание дружбы и братства, отечества стали одной из главных тем его поэзии.

Дельвиг не был крупным поэтом. Но под влиянием устремлений к демократизации стиха нашел силы и талант отказаться от архаических слов и оборотов, мифологических аллегорий. Он сумел взять и использовать различные средства народной поэзии. Даже новым был (по тем временам!), например, такой ритмический рисунок в его русской песне:

Пела, пела пташечка
И затихла;

Знало сердце радости
И забыло.

Психологический параллелизм, характерный для народной поэзии и дошедший до песенных текстов наших дней, может быть обязан таким строчкам из песни Дельвига:

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

Кстати, представьте себе, что уменьшительное слово "дождичек" в стихах по тем временам было довольно смелым шагом по пути раскрепощения стиха от оков классицизма. А песни его перекладывали на музыку Глинка, Даргомыжский, Рубинштейн, Алябьев.

Наследие Дельвига невелико. Но в обширной пушкинистике встерчается имя Дельвига столь часто, что забыть его невозможно.

24 октября 1982 г.

СУДЬБА И ВРЕМЯ НЕ ЩАДИЛИ

Когда ему было двадцать три года, Пушкин о нем писал:

Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!

Николай Михайлович Языков родился в марте 1803 года, в Симбирской губернии, в культурной помещичьей семье. Лениво и неохотно учился в Петербургском горном кадетском корпусе, потом в Институте инженеров путей сообщения, не чувствуя интереса ни к математике, ни к специальным дисциплинам.

В 1822 году оставил инженерское поприще, поступил на философский факультет Дерпского (ныне Тартуского) университета, где господствовали вольные нравы, невысказанные в обстановке полицейского режима Петербурга, Москвы и других городов. Языков организовал кружок русских студентов, для которого написал песни, прочно вошедшие в репертуар русского демократического студенчества, многим ныне знакомые:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

А вот эту песню Языкова, уверен, знают все читали:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

.....

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой! . .

Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

В дерптские годы Языков завоевал широкую известность и выдвинулся в первый ряд русских поэтов. "Имя Языков пришлось ему не даром, - говорил Н.В.Гоголь. -

Владеет он языком, как араб конем своим, и еще как бы хвастается своей властью".

Со слов Гоголя известно, что стихотворение Языкова к Д.Давыдову вызвало слезы на глазах Пушкина:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Сзови от стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей. . .

После 1829 года Языков оставил Дерпт, жил в Москве, в Симбирской губернии. После 1829 года в его творчестве стали преобладать религиозные и реакционные настроения.

У Языкова развилась мучительная и тяжелая болезнь, в борьбе с которой не помогли и заграничные курорты. Полуразрушенным инвалидом он вернулся в Москву. Последние три года жизни он провел в стане литературных реакционеров, злобно поносил представителей передовой общественности 40-х годов. Умер Языков в 1846 году, справедливо заслужив репутацию мракобеса.

"Как ты шалишь и как ты мил" - писал к нему Пушкин в 1826 году.

Такова судьба мастера, виртуоза стиха, занимающего видное место в нашей поэзии.

26 октября 1982 г.

ПОЭТ ДЕКАБРИСТСКОЙ КАТОРГИ

Больше года он просидел в Петропавловской крепости, в одиночном каземате. Потом его в кандалах повезли в Сибирь, пять лет он провел на каторге, потом был "обращен на поселение" под Иркутском, потом в конце 1837 года был переведен рядовым в кавалерийский полк на Кавказ. На Кавказе встретился и подружился с Лермонтовым, сосланным туда за стихи на смерть Пушкина.

Строки из его лучшего стихотворения известны культурным и передовым людям всего мира, будут известны людям всегда - эти строки из ответа на знаменитое послание Пушкина ссыльным декабристам:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечтам рванулись наши руки
И - лишь оковы обрели.

Не случайно это стихотворение прочно вошло в историю русского революционного движения - строка из него стала лозунгом большевистской газеты "Искра", издававшейся в 1900-1903 годах под руководством В.И.Ленина:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Автор этих стихов - Александр Иванович Одоевский - родился в 1802 году в Петербурге, в знатной семье древнего княжеского рода. Он получил блестящее и разностороннее образование, поступил на военную службу. "Молитва русского крестьянина" - одно из ранних его стихотворений характеризовало Одоевского как передового человека, противника крепостного права.

В тайное общество он вступил за полгода до восстания 14 декабря, взгляды разделял умеренные. Но участие в вооруженном восстании принял активное - был

присужден к двенадцати годам каторжных работ в сибирских рудниках.

Революционная направленность отличает стихотворения Одоевского, написанные на каторге. Он охотно обращается к историческим темам о борьбе древних русских республик Новгорода и Пскова с московскими царями:

За святую Русь неволя и казни -

Радость и слава.

Весело ляжем живые

За святую Русь.

Голос Одоевского, его стихи были голосом побежденных, но не разоружившихся революционеров:

Едва дошел с далеких берегов

Небесный звук спадающих оков,

И вздрогнули в сердцах живые струны, -

Все чувства вдруг в созвучие слились. . .

Нет, струны в них еще не порвались!

Еще, друзья, мы сердцем юны!

Перенесенные нравственные потрясения и лишения наложили к концу его короткой жизни глубокий отпечаток - Лермонтов на Кавказе повстречал не бывшего жизнерадостного светского красавца, а мрачного меланхолика.

Одоевский умер в августе 1839 года, умер от малярии в глухой деревушке на побережье Черного моря.

Ответ на послание Пушкина "В Сибирь" Одоевского ходил по всем царским каторгам и ссылкам девяносто лет, вселял силы и надежду:

Мечи скуем мы из цепей

И пламя вновь зажжем свободы:

Она нагрянет на царей,

И радостно вздохнут народы.

6 ноября 1982 г.

В ЦЕПЯХ ВСЮ ЖИЗНЬ

Александр Иванович Полежаев - одна из самых трагических фигур в русской поэзии.

Отцом его был богатый пензенский помещик-крепостник Струйский, матерью - крепостная девушка, незадолго до рождения поэта "отпущенная на волю" и выданная замуж за мещанина Полежаева.

В 1820 году поэт поступил в Московский университет, удостоился "знатного чина студента". На словесном отделении он близко сходилась со студентами-выходцами из разночинной среды. Домашнее "воспитание" в обстановке диких нравов даром не прошло - питал он пристрастие к бесшабашному разгулу с сынками мелких чиновников, провинциальных попов, купцов и обедневших дворян. Разгульные похождения студенческой молодежи были грубо и натуралистично описаны Полежаевым в поэме "Сашка" (1835). Поэма ходила в списках.

В 1826 году начальнику полиции графу Бенкендорфу был подан донос, в котором в качестве примера "вольномыслия" приводились отрывки из "Сашки". Список поэмы был найден, переписан набело и доставлен Николаю 1. Николай за развеселыми описаниями нескромных сцен без труда обнаружил следы декабризма - поэма изобиловала сатирическими выпадами против полиции, церкви, устоев самодержавно-крепостнического режима.

Через пятнадцать дней после казни пяти декабристов, студент Полежаев на рассвете был привезен к Николаю 1 в Кремлевский дворец. Царь приказал ему читать поэму вслух. Осведомившись, каково "поведение" Полежаева и услышав, что "превосходнейшее", царь сказал: "Этот отзыв тебя спас", и приказал отпустить студента

в солдаты.

Что будет памятью поэта?

Мундир? Не может быть. . .

Грехи?

Они оброк другого света. . .

Стихи, друзья, мои стихи!

Полежаев был зачислен унтер-офицером в пехотный полк и взят начальством под бдительный надзор. За самовольную попытку попасть в Петербург и лично просить Николая 1 об облегчении участи был осужден полевым судом, разжалован в рядовые с лишением дворянского звания (полученного по окончании университета), которое избавляло от телесных наказаний. Приговор Николай дополнил словами "без выслуги" - Полежаев был обречен оставаться рядовым.

Была солдатская тюрьма, кандалы, угроза наказания шпицрутенами (палками). Были попытки представить к офицерскому чину, были стихи со словами: "Русь, как кур, передумил ефрейтор-император", были черные безысходные запои и наказания розгами. . . Судьба издевалась над ним: единственная семья, в которой он нашел гостеприимство и ласку, в которой пережил сильное увлечение, была семья того самого полковника-жандарма, по доносу которого было привлечено "внимание" Николая 1 к его поэме, его стихам.

Заметим, что герой поэмы Сашка был совершенно новым для русской литературы героем. Он был демократичнее Онегина, был ближе к народу, он не болел "болезнями света". А еще откровенная ненависть к деспотизму:

Ай, ахти! Ох, ура,

Православный наш царь,

Николай-государь,

В тебе мало добра!

Обманул, погубил

Ты мильоны голов.

В его стихах уже не было дворянской двойственности. Иллюзии о возможности "перевоспитания" царей были оставлены.

Поймешь ли ты, что царский долг

Есть не душисть, как лютей волк,

По алчной прихоте своей

Мильоны страждущих людей.

Второй Нерон, Искарот,

Убийца Братьев и Немврод.

Трагическая судьба не сломила Полежаева. Он до конца жизни сохранил свою ненависть к самодержавию, имел силы много и пылливо работать над стихом. А лучшие стихи его представляют собой дневник особо изощренной, медленной казни.

Полежаев умер от чахотки в солдатском госпитале. За пять дней до смерти он был "высочайше" произведен в прапорщики - его похоронили в офицерском мундире.

7 ноября 1982 г.

ПЕВЕЦ ВО МГЛЕ

К сожалению, в критической литературе - особенно прошлого века - распространена довольно упрощенная библиографическая схема: Иван Иванович Козлов в молодости был лишь дворянским денди и лихим танцором, затем стал преуспевающим чиновником департамента государственных имуществ, а неожиданно ослепнув и потеряв возможность двигаться (паралич ног) в сорок лет стал поэтом. При этом редкий журнал и альманах обходился без его стихов.

Он родился в 1799 году. Получил блестящее образование и воспитание, в

совершенстве изучил иностранные языки. Много почерпнул сам в изучении разных литератур и чтении книг.

С 10-х годов Козлов начал изучать творчество Байрона, чье имя через несколько лет станет символом свободолюбия и революционного романтизма для передовых русских писателей. Козлов был один из самых ранних истолкователей и переводчиков великого английского поэта.

Как поэт он дебютировал в 1821 году в журнале “Сынотечества” стихотворением “К Светлане”. Он был уже тяжело болен, уволен в отставку в бедственном материальном положении. Отчаяние Козлова легко представить - ему надо было содержать жену и двух малолетних детей.

Но что же делать? В жизни сей
Я не совсем всего лишился,
И в пламенной груди моей
Еще жар чувства сохранился.

В то время в моде были ранние дарования. Козлова заметили, но никто не смотрел на него как на будущего профессионального поэта.

В 1825 году после опубликования поэмы “Чернец” имя Козлова облетело всю читающую Россию. Вяземский и Баратынский в восторге поставили его в один ряд с Пушкиным и Байроном, Пушкин назвал его поэму “прелестью”, “полной чувства”. В поэме - грустная история о молодом человеке, гонимом судьбой. История невольно сопоставлялась читателями с печальной участью ее автора.

Козлов был живым и близким свидетелем декабрьского восстания. Среди повешенных и сосланных были его друзья и знакомые. Расправа над героями потрясла и напугала Козлова. Но он обращался со словами надежды к пророкам-борцам даже в тяжелое пятилетие после восстания:

Предтечи мудрые! Откиньте мрак печали:
У века каждого своя
Обетованная земля,
И он тревожно к ней несется.

С годами Козлов работал все больше, работал, диктуя стихи дочери. В самой фабуле поэмы “Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая” Козловым объективно была заложена тема общественного зла, с которой противоборствует позитивная тема верности и героизма. Близость судеб Долгорукой и жен декабристов, последовавших за героями 1825 года в сибирскую ссылку, очевидна.

Он много переводит европейских поэтов. Порой переводы превосходят оригиналы. С исключительным энтузиазмом Козлов относится к переводам АндреШенье, АдамаМицкевича, Вордсворта, Байрона, Вольфа, В.Скотта, Р.Бернса. Вольный перевод Козлова (из Т.Мура) всем нам хорошо известен, мы слышали его много раз:

И крепок их могильный
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых! сон, -
Не слышен им вечерний звон.

По словам Белинского, Козлов “выговаривал элегическим языком жалобы человека на жизнь”, до протеста, до призыва к борьбе нужен был решительный шаг в сторону поэзии прогрессивного романтизма. Но до внутреннего сопротивления, до психологической подготовки к борьбе Козлов, в отличие от В.А.Жуковского, своего лирического героя довел.

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он...

Думы переходят в “Бессонницу” (из Т.Мура). В мучительные бессонные ночи 1827 года встают образы замученных исчезнувших друзей:

Смотрю ли вдаль - одни печали;
Смотрю ль кругом - моих друзей,
Как желтый лист осенних дней,
Метели бурные умчали.

В конце жизни он потерял дар речи и слух, но продолжал трудиться. Умер Иван Иванович Козлов в Петербурге 30 января 1840 года.
8 ноября 1982 г.

МОЛОДОЙ ВЕСНЫ ГОНЕЦ

Вскоре после Октябрьской революции В.И. Ленин высказался за необходимость постановки памятников “тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мыслей и прямоту их чувств”. В соответствующем постановлении Совнаркома, подписанным В.И. Лениным, среди ряда великих имен значится и имя Федора Ивановича Тютчева.

Поэтическое наследие Тютчева невелико. Писал он только лирические стихи, небольшие по своим размерам. Писательская известность пришла к нему поздно, а подлинная слава - через много лет после смерти.

Тютчев родился осенью 1803 года в образованной дворянской семье. Стихи начал писать рано - старомодные и тяжеловесные, в духе торжественных од 18 века. В 1822 году закончил факультет словесных наук Московского университета. Поступил на службу в министерство иностранных дел, связав свою жизнь с длительной дипломатической работой - в отрыве от русской деятельности, в стороне от общественного дворянского движения, от декабристов, названных им “жертвами мысли безрассудной”.

К превосходным своим стихотворениям относился с малой заботой, популярности у читателей не добивался. Но в 1836 году тетрадь со стихами безвестного дипломата попала к Вяземскому, от него - к Жуковскому и Пушкину. Как рассказывает один из современников, Пушкин “носился с ним целую неделю” и выбрал двадцать четыре стихотворения для своего журнала “Современник”, где они и были напечатаны.

На смерть Пушкина он откликнулся проникновенно и гневно - убийцу Пушкина Тютчев называет “цареубийцей”. Такое сопоставление по тому времени было политически недоступным - стихотворение было напечатано только почти сорок лет спустя с замечательной концовкой:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!

Многие строчки Тютчева нам хорошо знакомы с детства, когда мы чуть ли не по букварю учились воспринимать поэтическое слово:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

“Любовь к природе, сочувствие к ней, полное понимание ее и умение мастерски воспроизводить ее разнообразные явления - вот главные черты таланта Тютчева”, - писал Некрасов.

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик, -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Мир, природа, человеческое “я” ощущается Тютчевым не только в их взаимной

связи - “все во мне и я во всем”, - но и как единство противоборствующих сил:

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то востепенится в нас...

Лирика Тютчева полна глубокого философского проникновения в сущность бытия, восприятия жизни в бесконечном движении, во всеобщей связи явлений. Вопреки Тютчеву - автору реакционных политических статей, закливающих революции, Тютчев-гениальный лирик-философ вдохновенно писал:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир...

Самоценность потенциального развития личности, стремление к гармонии индивидуальности, а не желанная для декадентов тень индивидуализма заключены в известном стихотворении с латинским названием “Молчание”:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими - и молчи.

Личная жизнь Тютчева, как верстовыми столбами, отмечена потерями. Но даже в старости у него не ослабевает пылкость мысли, жадное внимание к явлениям общественной жизни. Дошел до нас рассказ, что, очнувшись от потери сознания, перед смертью Тютчев слабо спросил: “Какие последние политические известия?”.

Было это летом 1873 года в Царском Селе.
6 декабря 1982г.

НАКАНУНЕ

Имя Ивана Сергеевича Тургенева - великого русского писателя, сыгравшего огромную роль в развитии русской реалистической прозы XIX века, автора замечательных романов и повестей, - известно каждому грамотному человеку Земли. А хочется напомнить о поэтическом наследии Тургенева, своеобразном кануне рождения прозаика - в конце 1846 года двадцативосьмилетний поэт и отставной чиновник министерства внутренних дел имел успех, оставив коротенький отрывок “Хоть и Калиныч” в редакции только что возобновленного журнала “Современник”.

Он родился и рос в той противоречивой дворянской среде, где уживались культура и “обломовщина”, образованность и самодурство, прекрасные библиотеки и розги. Мальчик рано стал замечать, что все вокруг подчинено дикому произволу, капризам и прихотям родителей. Отец был вечно занят выездами на охоту, игрою в карты, кутежи, ухаживаниями за девицами из соседних имений. В матери странно уживались бессердечие к крепостным крестьянам с любовью к театру, живописи, книгам и даже цветам - цветы в Спасском были изумительными. Но, как и положено, “молодой барин” получил прекрасное домашнее образование, позволившее выдержать экзамены и поступить в Московский университет.

Русская словесность, всеобщая история, физика, латинский и французский языки, философия - вот предметы, которые за год изучил пятнадцатилетний студент. А летом 1834 года, по приезде в северную столицу, Тургенев переводом был принят на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. В этом же году он начал работать над драматической

поэмой “Стено”, навеянной чтением Байрона и написанной в подражание байроновскому “Манфреду”.

Потом были поездки за границу, возвращения в Россию, опять поездки. В Тургеневе многие видели молодого ученого, приехавшего из Берлина занять кафедру в университете. Многие не подозревали, что именно он подписывает буквами “Т.Л.” свои в журналах.

Поэма “Параша” примыкает к жанру бытовых сатирических “рассказов в стихах”, но отличалась от типичных образцов жанра реалистичностью, глубиной проработки психологии характеров, проблематикой и прогрессивностью авторской позиции. Борьба двух поколений отцов и детей - стала темой второй поэмы Тургенева. “Разговор” вышел в свет через год с небольшим после “Параши” и явно хранил лучшие традиции лермонтовской школы:

В разговоре юношеских сил
Ты, как старик, и вял и хил
Но, боже! разве никогда
Не знал ты жажду мыслей, дел,
Тоску глубокого стыда,
И не рыдал и не бледнел?
Любил ли ты кого-нибудь?

За иронией, за шутливыми обращениями к читателю в поэме “Помещик” просвечивает крепостнический произвол, душность деревенской “обломовщины”, противная пошлость бездуховной жизни:

С его-то вдовушкой любезной
Помещик был весьма знаком.
Ее сравнил остряк уездный
С свежепросольным огурцом.

В поэме “Андрей” Тургеневым недвусмысленно ставится под сомнение возможность человеческого счастья в условиях тупого помещичьего уклада жизни - Дуняша так описывает его:

С утра ждешь вечера, свечей...
Занятий нету... нет детей...
Книг нету... душно, страшно душно...
Попросить мужа - равнодушно
Проговорит он: “Погоди,
Зайдет разносчик”... впереди
Все то же, то же... до могилы...
О господи, пошли мне силы!

Лирических стихов Тургенев написал около пятидесяти. Они талантливы, умны и страстны. Запоминаются, волнуют такие как “старый помещик”, “Баллада”, “Толпа”, “Нева”, “Человек каких много”, эпиграммы, переводы. Но одно тургеневское стихотворение знают и любят многие:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Меньше чем за год до смерти, когда тяжелое заболевание уже наступило, в декабре 1882 года “Вестник Европы” опубликовал пятьдесят “Стихотворений в прозе” Тургенева. Одно из них - “Русский язык” - известно каждому из нас.

12 декабря 1982 г.

СОТВОРИТЕЛЬ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Но не о Козьме Пруткове - созданной с двоюродными братьями Алексеем и

Владимиром Жемчужниковыми сатирической маске тупого и самовлюбленного бюрократа николаевской эпохи - пойдет речь. Хотя "вдохновенный дурак" К. Прутков стихи "писал" - эхо их до нас дошло.

Разве вам не знакомы такие замечательные стихи:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Алексей Константинович Толстой родился в 1817 году, скажем так, со всех сторон графской семье. Образование получил хорошее, стихи начал писать с шести лет, много путешествовал, был определен "студентом" в архив министерства иностранных дел для разбора древних документов (обратите на это внимание!), потом делал блистательную карьеру, в день коронации Александра II был назначен флигель-адъютантом, в 1861 году... наконец добился отставки.

Ранние его стихи были одобрены Пушкиным, очень страшная его фантастическая повесть "Упырь" (изданная под псевдонимом) понравилась Белинскому. В 1840-х годах Толстой печатается мало - много сил заняли обдумывание и написание первых глав исторического романа их эпохи Ивана Грозного. "Князь Серебряный" - стал позицией автора, позицией развенчания опричнины, волюнтаризма, разгула самодержавия, но и началом долгой любви к историческим темам - с успехом на сценах наших театров идут трагедии Толстого "Смерть Ивана Грозного", "Царь Федор Иоаннович" и "Царь Борис, многие знают баллады Толстого, былины его и притчи "Василий Шибанов", "Змей Тугарин", "Песнь о походе Владимира на Корсунь", "Алеша Попович" и другие.

Толстой примыкал к школе "чистой поэзии", далекой от демократической и реалистической направленности поэзии, однако сложная и противоречивая социально-политическая позиция его выводила за рамки догмы "искусства для искусства".

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Кстати, из лирики Толстого найдется всего два-три стихотворения, написанных в столь несвойственных ему минорных интонациях. Мажорность, приподнятые интонации, декоративность - поэтический почерк Толстого:

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Лирика Толстого оказалась благодарным материалом для музыкальной обработки. Многие лирические стихотворения его были положены на музыку, да еще по несколько раз. Римский-Корсаков, Мусоргский, Балакирев, Кюи, Чайковский, Танеев, Рахманинов и другие обращались к стихотворным текстам.

От лунного света
Зардел небосклон,
О выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

Шуток в его стихах много, но большинство из них далеко не безобидны:

достаточно вспомнить “Сон Попова”, “Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева”, “Песню о Каткове”. Не много уважительных слов там о высшей бюрократии, остроты резки и точны:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.
Заинтриговать читателей может и эта история столетней давности:
Угораздило кофейник
С вилкой в роще погулять.
Набрели на муравейник;
Вилка ну его пырять!...

А мимо такого классического образца - эпиграмма № 1 Козьмы Пруткова - вообще невозможно пройти:

“Вы любите ли сыр?” - спросил раз ханжу,
- “Люблю, - он отвечал, - я вкус в нем нахожу”.

В последние годы жизни Толстого сильно мучила болезнь, боли. Умер Толстой осенью 1875 года в Красном Роге.

23 января 1983 г.

ТРЕВОГАМИ СЕРДЦА И УМА

В предисловии к сборнику “Сноп” в 1871 году Полонский с грустью написал: “Невелика моя нива, невесела моя жатва... Но не то беда, что во ржи лебеда, говорит русская пословица, а то беда, коли ни ржи, ни лебеды...”. “Трудолюбивая критика” выбила из снопов поэзии Полонского не одну горсть пригодных зерен. Читатели сами сделали отбор этих пригодных зерен, да и “солома” для многого пригодилась: стихотворения “Солнце и Месяц”, “Зимний путь”, “Затворница”, “Песня цыганки” надежно вошли в песенный и декламационный репертуар широкого круга, а некоторые из них стали народными песнями.

Яков Петрович Полонский родился в декабре 1819 года в Рязани. Окончил гимназию, окончил юридический факультет Московского университета. Жизнь в Москве была для Полонского нелегкой - ни в моральном, ни в материальном отношении. Он не был подготовлен к погружению в высшие вопросы философии, истории, эстетики, которыми были заняты умы светской обеспеченной молодежи, да и образ жизни был не по карману.

Друзья выхлопотали Полонскому место в канцелярии наместника - летом 1846 года он уехал в Тифлис. О настроении его говорят стихи их тифлисской тетради:

Беспечный жар любви тая в своей груди,
Я, не рожденный для поклонов,
Уйду, заеду в глушь, исчезну посреди,
Шестидесяти миллионов!

После смерти Николая I, когда цензура временно поутихла, в 1855 году был издан большой сборник стихотворений Полонского. “Современник” встретил этот сборник полным одобрением.

Но в конце 1850-х годов положение Полонского стало трудным - сказывалось отсутствие твердой идейной опоры. Он мог оказаться в лагере “чистого искусства”, трагически оторванного от живой современности и передовой литературы. Но поэзия Полонского всегда оставалась поэзией душевной и гражданской тревоги - для примера всего две строчки:

“Тревоги духа, а не скуку делил я с музой молодой”,
“Там даже сон любви - больной, тревожный сон”.

Эти строчки отличают его от Фета, от Майкова, но приближают к Тютчеву, к

Некрасову.

Улеглася метелица... путь озарен...

Ночь глядит миллионами тусклых очей...

Погружай меня в сон, колокольчика звон!

Выноси меня, тройка усталых коней!

В каждом стихотворении Полонского, даже интимно-лирическом, герою нужна:

Для счастья законная свобода,

А для свободы - вольная страна.

Чтобы убедиться в этом перечтите всем знакомую "Затворницу" -

В одной знакомой улице -

Я помню старый дом,

С высокой, темной лестницей,

С завешенным окном...

Сто тридцать лет назад были написаны вот эти стихи, которые мы много раз слышали, которые любим, которые, как всякие хорошие стихи, кажутся современными - "Песня цыганки":

Мой костер в тумане светит;

Искры гаснут на лету...

Ночью нас никто не встретит,

Мы простимся на мосту.

Умер Полонский в 1898 году, выпустив перед смертью старческий сборник "Вечерний звон".

УМОМ СЕРДЦА

Поэзия Фета сложна и противоречива тонкое чувство природы, умение ловить смутные душевные движения, которые и назвать-то трудно, глубокая эмоциональность сочетаются в его поэзии с иррационализмом и субъективизмом, с ограниченностью тематики и идейного содержания:

Поделись живыми снами,

Говори душе моей;

Что не выскажешь словами,

Звуком на душу навей.

Импрессионистский уклон поэзии Фета делает его предшественником русского символизма, что отделяет, отчуждает Фета от нас. Но поэзия Фета, подобно тютчевской, идет от традиций русского романтизма, а у Пушкина он взял уроки конкретности и четкости пейзажных описаний, тонкости психологических полутонов, раскрепощенности чувств, точности подробностей, деталей:

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,

Я при свечах навела;

В два ряда свет-и таинственным трепетом

Чудно горят зеркала.

... У меня на столе несколько томиков Фета, утыканных закладками на "нужных" стихотворениях. Задумался, почему именно их отобрал, начал анализировать-по критерию простоты и ясности:

Ласточки пропали,

А вчера зарей

Все грачи летали,

Да как сеть мелькали,

Вон над той горой.

Афанасий Афанасьевич Фет родился в 1820 году, осенью, в Орловской губернии. Родился в семье помещика Шеншина, фамилию которого носил до четырнадцати лет. Волею церковного начальства большую часть жизни прожил под фамилией

матери Шарлотты Фет, но к старости добился разрешения именоваться Шеншиным.

С 1838 по 1844 года плохо учился на словесном отделении Московского университета, но ежедневно писал стихи. К двадцати пяти годам опубликовал в журналах около сотни стихотворений, которые заметил и высоко оценил Белинский.

По окончании университета Фет поступил на военную службу, на которой пробыл двадцать лет, скитаясь по провинциям, попав в чуждый его умственным интересам круг офицеров и помещиков. После выхода в отставку, женитьбы купил поместья, стал помещиком. Содействовал с Л.Н.Толстым, который писал, что "по уму я ценю выше всех моих знакомых" о Фете.

П.И. Чайковский называл Фета поэтом-музыкантом, а в шестидесятые годы Салтыков-Щедрин констатировал, что "романсы Фета распевает чуть ли не вся Россия":

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит...
Да и вот эти стихи мы слышали тысячу раз:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Фет, порой как живописцы, выписывает тончайшие состояния души-равно как выписывать белую розу на белых кружевах:

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли, Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

Фет порой находит такие слова, что оживают и звуки голоса певички, и состояние души, воспринявшей эти звуки:

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль,
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

Прошу вас, прочтите еще раз эти стихи!

Революционные демократы строго относились к поэзии Фета, отмечали узость тем, кто не любит стихов Фета.

Ель рукавом мне тропинку завесила.

Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело-
Я ничего не пойму.

Умер Афанасий Афанасьевич Фет поздней осенью 1892 года в Москве.

Февраль 1983 г.

ПО- НАД ПРОПАСТЬЮ

Аполлон Николаевич Майков родился в Москве в мае 1821 года, родился в культурной семье старинного дворянского рода. Незнание греческого языка закрыло ему доступ на филологический факультет-а ведь домашним литературным образованием его занимался писатель И. Гончаров. В 1837 году Майков сдал экзамен на юридический факультет Петербургского университета, где наряду с правоведением читались русская словесность, всеобщая история и философия, интересовавшие образованного уношу. Да и дом Майковых был одним из известных литературных салонов столицы.

Природная близорукость заставила отказаться от занятий живописью, определив

призвание в пользу поэзии-в 1840 году в “Одесском альманахе” появились первые стихи Майкова, подписанные буквой М, но замеченные Белинским. Но Белинского, как и всех передовых людей России, остро переживавших гнет реакции Николая 1, ранние стихи Майкова не удовлетворяли идиллистическим оптимизмом и наивностью.

Была поездка в Италию, вышел в свет цикл стихов “Очерки Рима”, возвращение, служба помощником главного библиотекаря Румянцевского музея. В конце 40-х годов сближение с Белинским, знакомство с петрашевцами, арест вместе с ними. Революционером он не стал, но демократические идеи, отражение социальных противоречий вошли в стихи, поэмы “Две судьбы”, “Машенька”. Появился даже протест (правда слабый) той частью дворянства, которая хранит

Средь пышности ничтожность, пустоту,

Тщеславие наследственного барства.

В начале 50-х идейные шатания привели к созданию псевдородной идиллии “Дурочка”, призывающей к смирению и уродству, сложной по позиции лирической драмы “Три смерти”, поэтизирующей мужественную смерть последних представителей античного мира (правда драма пять лет была запрещена цензурой). На события Крымской войны Майков в 1854 году изданием сборника, проникнута славянофильскими наслоениями и включавшем прославляющие Николая 1 стихи, в том числе “Коляска”. Стихи вызвали возмущение передового русского общества и появление прозвища Аполлон Коляскин. Реформу 1861 года, осуществленную Александром 2, воспринял восторженно в сентиментально-идиллистических стихах. Да и вскоре должность занял подходящую-председателя цензурного комитета. Другими словами, с середины 60-х годов Майков окончательно осел в лагере реакции. В последние годы жизни обратился к созданию стихотворений на исторические темы, перевел “Слово о полку Игореве”. Умер Майков в 1897 году.

Но яркие картины природы, скульптурная выразительность стихов, поэтическое мастерство лирики Майкова были по достоинству оценены читателями, прогрессивной критики-наиболее ценные произведения Майкова пользуются известностью, входили в школьные хрестоматии, перелаялись на музыку, то есть сохранили свое художественное и культурное значение.

Спи, дитя мое, усни!

Сладкий сон к себе мани:

В няньки я тебе взяла

Ветер, солнце и орла...

Ветра спрашивает мать:

“Где изволил пропадать?

Али звезды воевал?

Али волны все гонял?”...

Тон стихов Майкова всегда несколько торжественный, сдержанный лиризм звучит почти всегда в одной тональности, а психологическое состояние лирического героя похоже на спокойное море, заросший сад.

Боже мой! вчера-ненастье,

А сегодня-что за день!

Солнце, птицы! блеск и счастье!

Луг росист, цветет сирень...

Но закончить рассказ-эхо о поэтическом наследии интенсивного русского поэта Аполлона Майкова мне хочется полной цитатой одного его стихотворения:

Мысль поэтическая-нет!

В душе мелькнув, не угасает!

Ждет вдохновения много лет,

И-вспыхнув вдруг-как бы в ответ

Призыву свыше-воскресает...
Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце рана-
И не одна, чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...

Вам не кажется, что эти стихи имеют прямое отношение к статьям нашей поэтической рубрики?

Двадцать пятое февраля 1983 г.

АВТОР “ПСКОВИТЯНКИ” И “ЦАРСКОЙ НЕВЕСТЫ”

Создатель драмы “Псковитянка”, на сюжет которой Н.А. Римским-Корсаковым написана всем хорошо известная опера, Лев Александрович Мей родился в 1822 году и прожил всего сорок лет. Поэтическое наследие его достаточно велико, особенно если учесть, что творчеству не способствовали безденежье, богемный быт, унижения, необходимость писать по заказу и, как следствие, горькое пьянство.

За успехи в учении четырнадцатилетнего Мея перевели из Московского дворянского института в Царскосельский лицей. После лицея Мей служил, но чиновной карьеры не сделал, вышел в отставку и нужду. Нужда заставила добиваться места инспектора московской гимназии, но и это место оставил, так как его попытки сломить педагогическую рутину и внести свежую струю в жизнь гимназии вызвали яростное сопротивление “враждебной партии” учителей во главе с директором. В 1853 году Мей перебирается в Петербург, где за грошовую плату рудничает в разных журналах, живет случайными срочными переводами, а знал он хорошо греческий, латинский, немецкий, французский, английский, польский, итальянский языки.

Высокое представление о значении поэзии, о ее месте в исторической жизни народа, мысль о большой ответственности поэта были присущи Мейю на всем его творческом пути, с лицейских лет:

О господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сию я напролет,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух-напрасно! не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье...
Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата,
Кощунствует над сердцем и умом-
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

Русским историческим прошлым Мей увлекся еще в детстве. Тема гибели новгородского вечевого строя, столкновений Новгорода с Москвой легла в основу песни-баллады “Вечевой колокол”, законченной в 1841 году и весьма близкой творчеству поэтов-декабристов:

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную;
Поет песню с отчизной прощальную...

В 1849 году на страницах “Москвитянина” появилась драма Мея “Царская невеста”, в которой (вслед за пушкинским “Годуновым”) созданы образы древнерусских женщин, обрисованные во внутреннем борении, в конфликте с окружающей средой, с самодержавной властью.

Десять лет вынашивался Мейем замысел другой исторической драмы-”псковитянки”, осуществлением которого Мей, в частности, обосновал право исторического драматурга строить действие на возможных и психологических вероятных событиях.

Знания языков и образованность, тонкий поэтический дар и чрезвычайная добросовестность позволили Мею много заниматься переводами и переложениями. Он автор одной из поэтических версий “Слова о полку Игоря, сына Святослава, внука Олега”, переводов Анакреона, Феокрита, Тараса Шевченко, Шиллера, Шекспира, Мицкевича, Гете, Гейне, Мильтона, Шенье и многих других поэтов Европы. Особое место среди подражаний и переложений Мея занимают его Еврейские песни” (1849-1860)-поэтическое переложение ветхозаветной “Песни песней” (“В крови горит огонь желанья...”).

В 70-80-е годы поэзия Мея переживает второе рождение в музыке великих композиторов Н.А. Римского-Корсакова, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского.

Двадцать седьмое февраля 1983 г.

РУССКИЙ ГАМЛЕТ

Так назвал выдающегося критика и интереснейшего поэта-лирика Аполлона Александровича Григорьева Достоевский.

Если люди сороковых годов-по преимуществу дворяне, а шестидесятники-в большинстве своем разночинцы, то уже и в этом отношении трагизм судьбы Григорьева очевиден-он, так сказать, фигура промежуточная. Внук крепостного, сын дворянина и дочери крепостного кучера, был наделен прекрасными способностями, открывшими ему дорогу на юридический факультет университета, и, как он говаривал, “мужицким сердцем”. Человек, напоминавший Тургеневу “покойного Белинского”, почти весь свой недолгий век просуществовал на грани нищеты, сидел в долговой яме, метался, был несчастлив в любви, тяжело пил, был восприимчив к чужой боли, умер сорока двух лет отроду в сентябре 1864 года от удара после напряженного объяснения с каким-то издателем.

Он увлекался философией Гегеля и Шиллинга, имел пристрастие к роялю и гитаре, в совершенстве владел европейскими языками, был под влиянием творчества Лермонтова, пленялся героинями Жорж Санд, у которых индивидуальная страсть перерастала в чувство негодования против угнетающих человека, давно изживших себя, омертвевших общественных норм:

Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж тебя сломил бы я,
Кабы только воля!

Пушкин сблизил мысль и страдание; Герцен считал условием воспитания личности борьбу, сопряженную со страданием, у Грибоедова-страдание становится одной из форм выражения духовной активности личности, реализации ее душевных сил, формой ее самовыявления. Страдания стали нормой его жизни, но страдания борца:

Нет, не рожден я биться лбом,
Не терпеливо ждать в передней,
Ни есть за княжеским столом,
Ни с умиленьем слушать бредни.

Я очень люблю григорьевский цикл стихов, объединенных недвусмысленным названием “Борьба”. Он о сложности любви, сложности человеческих отношений, страсти и ответственности, о борьбе эмоций и разума:

Я вас люблю... что делать-виноват!
Я в тридцать лет так глупо сердцем молод,

Что каждый ваш случайный, беглый взгляд

Меня порой кидает в жар и холод...

В этом цикле есть стихотворения, которые Блок считал перлами русской лирики, так как они “приближаются уже каким-то образом к народному творчеству”:

О. говори хоть ты со мной,

Подруга семиструнная!

Душа полна такой тоской,

А ночь такая лунная!...

И до зари готов с тобой

Вести беседу эту я...

Договори лишь мне, допой

Ты песню недопетую!

Сто двадцать пять лет живет на Земле “Цыганская венгерка”. А сколько лет еще жить будет?

Две гитары, зазвенев,

Жалобно заныли...

С детства памятный напев,

Старый друг мой-ты ли?

...И вновь я перелистываю сборники стихов Аполлона Григорьева. Зачитываюсь. Хочется процитировать вам еще и еще. Но как это сделать на газетной полосе?

Шестнадцатое апреля 1983 года.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ СТИХА

Дмитрий Дмитриевич Минаев практически весь свой поэтический, да и гражданский, дар посвятил “преследованию общественных аномалий”-сатирическим стихам, иронической лирике, эпиграммам. В объявлении о подписке на журнал “Гудок”, который он редактировал несколько месяцев (уже первый номер журнала вышел со скромной заглавной виньеткой, изображавшей Герцена, произносящим речь жадно слушающей его толпе крестьян и молодежи!), была дана программа не только журнала, но и его творчества: “Мы верим в смех и в сатиру не во имя “искусства для искусства”, но во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех, как в гражданскую силу”. Написано это было в 1862 году, редактору “Гудка” было двадцать семь лет, а в России Александра 2 веселья было мало.

Юмористы! смейтесь все вы,

Только пусть ваш стих,

Как улыбка юной девы,

Будет чист и тих.

Будьте скромны, как овечка,

Смейтесь без тревог,

Но от желчного словечка

Сохрани вас бог!

Минаев был резок. Его демократические взгляды на развитие отечественной литературы диктовала тон-вот так досталось графу Соллогубу за напечатанные в “Русском архиве” литературные воспоминания:

Карамзина я знал, как вас,-

Не счесть его услуг,

Хоть Николай Михайлыч раз

Сказал: “ты глуп, мой друг”.

Минаев, как мог, боролся с упадничеством в поэзии 70-десятых, пародировал “чистое искусство”, “смирлял рыдания порыв и гордую скорбь гражданина, спрятав их под маской шута”:

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шенчут под вечер деревьев листья,
какие у каждой капусты мечты,
Он ведаёт чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

В его стихах были шутки и безобидные, иногда просто на злобу дня, но часто шутки получали политическое звучание, которое не вызывало восторга третьего отделения:

Король негодует: “Что день, то беда”
Отвсюду зловещие вести.
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести...
И шут засмеялся: “Ах, ты, чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И сам поднимаешь тревогу!”

Давно знаю я эпиграмму на Буренина, которой несколько десятилетий был весьма активен в травле прогрессивных деятелей русской общественной жизни и литературы. Для себя я сделал открытие-автор ее Д. Минаев.

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Минаев написал несколько поэм-”Ад”, “Нигилист”, “Демон”, “Евгений Онегин нашего времени”; интерес представляют его критические статьи.

Семнадцатое апреля 1983 г.

ВПЕРЕД! БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЯ

Согласно приговору генерал-аудиториата, судившего петрашевцев, автор строки, вынесенной мною в заголовок, был “по высочайшей конфирмации 19-го декабря 1849 года, за участие в преступных замыслах... и во внимание к его молодым летам лишен всех прав состояния и отдан на службу в отдельный оренбургский корпус рядовым”. Было тогда отпрыску стариннейшего дворянского рода Алексею Николаевичу Плещееву двадцать три года.

Революционные демократы знали его стихи, ценили за энтузиазм, мотивы служения общественному благу, протест против несправедливости и гнета:

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!
Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Служба его и жизнь в Оренбурге была тяжела и невыносима особенно вследствие враждебного отношения обывателей к политическому ссыльному. Военное начальство следило за Плещеевым с исключительной строгостью. Ссылка кончилась в 1858 году, получено даже право на въезд в Петербург и Москву, которым Плещеев воспользовался и оказался в центре передовой литературной

жизни, связан дружескими отношениями и деловыми отношениями с Некрасовым, Добролюбовым, Чернышевским, Тургеневым.

Личные драмы, разгул цензуры и реакции, репрессии послужили причиной тому, что в лирику поэта стал заползать пессимизм, все чаще звучит тема одинокого страдальца. Не был одинок Плещеев и в своих надеждах на реформы “сверху”. Сложностей и противоречий было много, однако, выявлялся мощный пласт в творчестве - стремление обличать современный общественный уклад, эгоизм, лицемерие человеческих отношений. Уже в сборнике 1858 года есть два стихотворения сатирической направленности - “Мой знакомый” и “Дети века все больные”. Но демократические тенденции, как оказалось, были также сильны - по поводу процесса Чернышевского он написал в 1863 году стихи (увидевшие свет лишь в третьем посмертном издании в 1905 году:

Честные люди, дорогой тернистую
К свету идущие твердой стопой,
Волей железною, совестью чистою
Страшны вы злобе людской!

В 1862 году публикуются “Советы мудрецов”, которые положительно были восприняты прогрессивными кругами русского общества:

Отрицайте осторожно
И карьеры не губя:
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

У Плещеева много запоминающихся тонких лирических стихотворений, много переводов и переделок (Шевченко, Сырокомля, Гейне, Петефи и др.). Более ста двадцати пяти лет перевод Плещеевым стихотворения неизвестного польского поэта нам знакомым и близким:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

Мне очень нравится плещеевский перевод замечательного стихотворения Г.Гейне “Возьми барабан и не бойся”:

Сильнее стучи и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл глубочайший искусства...
А сам маршируй впереди!

Плещеев умер в Париже, похоронен в Москве. Через полстолетия со времени ссылки поэта осенью 1893 года газеты получили от полицейских властей запрет печатать “панегирическое слово покойному поэту”. Во время похорон произошло столкновение студентов с полицией.

24 апреля 1983 г.

НА СТЕКЛАХ ВЕЧНОСТИ

Небольшое поэтическое наследие Алексея Николаевича Апухтина оставило след в истории русской поэзии.

Он родился осенью 1840 года, детство провел в родовом имении - в условиях, напоминающих знаменитую Обломовку:

Я жил, как многие, как все почти живут
Из круга нашего, - я жил для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый труд
Мне незнакомым был с самого рожденья.

Хилый ребенок, склонный к болезненной полноте избавлен от участи Обломова

страстью к поэзии: сам сочинял стихи, девяти лет знал наизусть почти все произведения Пушкина и Лермонтова. Он учится и успешно заканчивает Петербургское училище правоведения - закрытое учебное заведение для подготовки высших чиновников юстиции. Начальство и товарищи (среди них П.И. Чайковский, дружеские отношения с которым станут многолетними) предсказывают ему славу Пушкина.

В училище правоведения Апухтин читает "Колокол" и "Полярную звезду" Герцена, знаменитое письмо Белинского к Гоголю (в списках, разумеется). Пишет несколько антикрепостнических стихотворений. Популярными становятся его "Песни", "Селенье", "Сосед" (в котором язвительно высмеивается типичный реакционер того времени), "Солдатская песня о Севастополе". С вниманием к творчеству Апухтина отнеслись Некрасов и Тургенев.

Но в начале 60-х годов Апухтин "перестает седлать Пегаса" - прерывается столь удачливая литературная карьера. Дворянские предрассудки помешали ему примкнуть к литературным деятелям революционно-демократического направления. Но Апухтин не запятнал себя сотрудничеством с реакционными журналами или сочинением верноподданических стихов. Стихи продолжал писать - в них все чаще звучали ноты тоски, одиночества, неразделенной любви, увядания:

Пара гнедых, запряженных зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых.

Слава пришла к Апухтину в 80-е годы, когда его стихотворения снова появились в печати. У всех на устах, все цитируют, все читают его "С курьерским поездом", "Письмо", "Перед операцией", "Сумасшедший" и др. На слова Апухтина его друг П.И. Чайковский пишет прекрасные романсы...

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые.

Более ста лет назад были написаны стихи романа "День ли царит, тишина ли ночная":

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя!
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства и песни и силы -
Все для тебя!

У Апухтина много отточенных стихов, без случайных слов. Много у него пародий, эпиграмм. Во многих стихах он прост и прекрасен. А я, сознаюсь, многие годы под впечатлением вот этих строк:

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх,
И можете держать себя свободно, -
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно...

Это начало стихотворения "Сумасшедший", стихотворения мастерского и жуткого...

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...

Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.
... Все васильки, васильки,
Красные, желтую всюду...

За два года до смерти (в последние дни лета 1893) Апухтин заболел, но мужественно переносил страдания.

Его произведения издавались, но за последние годы сборники стали библиографической редкостью.

25 апреля 1983 г.

ШТУРМАН БУДУЩИХ БУРЬ

Так назвал Михаила Михайлова - замечательного общественного деятеля русского освободительного движения, талантливого поэта, прозаика и публициста - Герцен. Владимир Ильич Ленин назвал Михайлова в числе "сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации".

Михайлов родился в 1830 году, происходил из крестьянской семьи, старшее поколение которой испытало ужасы крепостничества. Отец его был отпущен на волю, стремился к образованию, прекрасно знал горно-соляное дело, знаком был с лучшими произведениями русской и зарубежной литературы. Быстро научившись читать, будущий поэт проявил интерес к библиотеке отца, приохотился к чтению.

16-летний Михайлов поступил в Петербургский университет вольнослушателем и на первой же лекции познакомился с Чернышевским. Творчество Белинского, Герцена, Некрасова пробудило в Михайлове интерес к социально-политической поэзии - в 1853 году он пишет:

Когда пройдут искуса годы?
Когда из лона черных туч
Тебя, колосс, ответит луч -
Животворящий луч свободы?
Ты гордо голову вознес,
Дивя испуганное око;
Но безглаголен ты, колосс!

Когда же тьма сойдет с востока?

Одновременно Михайлов продолжает изучать идейное содержание передовой литературы (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова), читает в подленниках и переводах Гейне, Гете, Шиллера, Шенье, Жорж Занд, Вольтера. Он искал программу революционного переустройства, становился убежденным, последовательным революционным демократом:

О сердце скорбное народа!
Среди твоих кромешных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук...
О, помни! Чистый дар свободы
Назначен смелым лишь сердцам.
Ее берут себе народы,
И царь не даст ее рабам.

План вооруженного восстания, изложенный Михайловым в поэтических и публицистических его произведениях, был, как мы теперь понимаем, был утопическим - расчет был на осуществление переворота крестьянскими силами, а крестьянство было политически темным, разобщенным, стихийным.

Осенью 1861 года Михайлов был выдан провокаторами. Тюрма Третьего отделения, Петропавловская крепость, ссыльный путь в окопах из Петербурга в Нерчинск, каторга, работа в свинцовых рудниках, жестокие преследования...

сократили жизнь замечательного человека и поэта. Умер Михайлов летом 1865 года на 36-м году жизни.

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь, за мысль и слово,
Топчет произвол.

Михайлов оставил переводы Т.Шевченко, Р.Бернса, Г.Лонгфелло, Ш.Петефи, В.Гете, Ф.Шиллера и других.

Зачем же в белом мать была?
О ложь святая! Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью.

Этот перевод стихотворения видного немецкого поэта, активного участника революции 1848 года Морица Гартмана многие знают. Называется стихотворение - "Белое покрывало".

29 мая 1983 г.

В БОЯХ С ТОРЖЕСТВУЮЩИМ ЗЛОМ

Василий Степанович Курочкин был, по словам современников, "председателем суда общественного мнения". А редактировал он знаменитый сатирический журнал "Искру", которого боялись все, имевшие основания предполагать, что за взяточничество, казнокрадство, нечистую совесть они могут попасть под карандаш карикатуристов, под перо поэтов-сатириков. Попасть в "Искру" было так же страшно, как и в "Колокол" Герцена.

Курочкин родился в Петербурге летом 1831 года в семье крепостного, отпущенного на волю, дослужившегося до коллежского асессора, то есть до чина, дававшего чиновнику потомственное дворянство. Будущий поэт обучался в Первом кадетском корпусе, а затем в Дворянском полку, где сочинял юмористические стихи, эпиграммы на учителей, где начал переводить Беренже.

С 1849 по 1853 годы Курочкин служит в Гренадерском полку, не любит службы, усиленно занимается литературой и переводами. Выходит в отставку, служит чиновником с мизерным жаловнием, занимается (в борьбе с бедностью) литературной поденщиной. В середине 50-х завоевал широкую популярность благодаря своим переводам из Беранже.

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова -
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

С 1959 года вся Россия уже знала Курочкина-сатирика, редактора и издателя "Искры".

В апреле 1866 года Курочкин был арестован по делу Д.В.Каракозова, стрелявшего в Александра II. Улик не было - Курочкина освободили. Но арест не был случайностью, так как более пяти лет он вел активную революционную работу.

Он был веселым, жизнерадостным и здоровым человеком, легко входил в общение с друзьями, читателями:

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

“Путем отрицания ложного во всех его проявлениях в жизни и в искусстве”, откликаясь “на злобу дня” Курочкин в “Искре” разрабатывал тему воспитания, обнажал фальшь реакционной педагогики:

Розги - ветви с дерева знания!

Наказанья идеал!

В силу предков завещания

Родовой наш капитал!

Он был смел и отважен. В Петропавловской крепости Курочкин написал эпиграмму на Муравьева-вешателя:

Холеру ждали мы, и каждый был готов

Диету соблюдать и жить себе здорово.

Но фурия хитра: надула докторов -

Прислала за себя из Вильны Муравьева.

В 1873 году издание “Искры” было прекращено правительством. Для Курочкина закрытие журнала стало невосполнимой потерей, началом жесткой нужды, скитания ради заработка по чуждым журналам. Жизнерадостность и здоровье начали исчезать, условий для плодотворной работы не стало - Курочкин умер в конце лета 1875 года.

30 мая 1983 г.

С ГНЕВОМ И ПЕЧАЛЬЮ

Демократическая поэзия последней трети прошлого века далеко не однородна: здесь и революционные поэзии, и идеи народничества, и настроения, вызванные тупой правительственной реакцией. Но именно в это время Некрасов писал:

Кто живет без печали и гнева,

Тот не любит отчизны своей...

Творчество Леонида Николаевича Трефолева весьма близко к важнейшим достижениям поэзии последних десятилетий прошлого века.

Трефолев родился в культурной семье, был потомственным русским интеллигентом, прожил жизнь - ища правду - провинциальным служащим в невысоком чине, но не раз проявлял истинное мужество, отвагу.

После окончания Ярославской гимназии он, из-за недостаточности средств, думать о продолжении образования не мог - поступил помощником редактора “Ярославских губернских ведомостей”. В этой газете восемнадцатилетний Трефолев дебютировал в 1857 году первым стихотворением. Потом еще два десятка в той же газете, потом переводы Беранже и Гейне, а еще много статей о театральных постановках в Ярославле. С начала 60-х годов Трефолев начинает активно сотрудничать в петербургской и московской прессе.

Политическую неблагонадежность выказал в 1862 году: воскресные школы, организованные им с группой единомышленников для крестьян и рабочего люда, использовал “для проведения социалистического учения”. И хотя социальные идеалы Трефолева шире либеральных иллюзий не было подозрений в политической неблагонадежности тяготело над поэтом всю его жизнь. Смерть Трефолева, поздней осенью 1905 года, совпала с бурными событиями и прошла почти незамеченной в печати.

К своему стиху Трефолев обращался так

Мой бедный неуклюжий стих
Плохими рифмами наряжен,
Ты, как овечка, слаб и тих,
Но, славу богу, не продажен.

Поэзия Трефолева публицистична. Он откликается на споры вокруг конституционной проблемы, на неполадки в земствах, клеймит российские бичи - взятку и кабак, пишет о невежестве, о всеобщем страхе в годы реакции. Издевается он над апологетами народной дикости, "кондновости", "квасного патриотизма" :

Не учен я батькой смолоду.
Мне за книгой париться,
А от холоду и голоду
Мы сумеем отбояриться:
Наши руки молодецкие
Три тягла несут без малого...

Мы-ста люди не немецкие, -
Роду русского, удалого!

В 80-90 годы Трефолов создает сатирические портреты царского временщика Победоносцева и самого царя Александра Ш:

Матку-правду говоря,
Гатчинский затворник
Очень плох в роли царя,
Но зато не ерник.

Конечно, такие и подобные им стихи, нигде не печатались в дореволюционное время, но конфликтов с цензурой приносили поэту достаточно:

Свободное слово, опять ты готово
Сорваться с пера...

Чего же ты хочешь? О чем ты хлопчешь?

Не та, друг, пора!

В последние годы жизни Трефолов болел, был зажат цензурой, если и выступал в печати, то, в основном, в ярославских газетах. Большой радостью для него явилось устроенное ярославским "Обществом любителей драматического и музыкального искусства" в декабре 1899 года чествование его в связи с сорокалетием литературной деятельности.

О мысль человека, беги и спеши

Вперед и вперед, как поток без преграды!

Покой - это гибель и смерть для души;

Покою, забвению - лишь мертвые рады -

Так писал сорокалетний поэт, память о котором сохранилась в русской поэзии.

12 июня 1983г.

ПОЭТ ДЕРЕВНИ

Иван Захарович Суриков родился в марте 1841 года в семье оброчных крестьян графов Шереметьевых. В 1849 году он переехал в Москву, где его отец открыл мелкую овощную лавку, в которой мальчику приходилось приобщаться к коммерции. Читать и писать он научился у соседей.

Тяжелый, монотонный труд в лавочках на окраине Москвы, семейный гнет и раздоры, страх нищеты заставляли бороться за существование, но мальчик рано начал сочинять стихи, с которыми вели немилосердную борьбу отец, дядя-лавочник.

Стихи Сурикова с 1863 года печатались в петербургских и московских журналах; трижды при жизни были изданы сборники его стихотворений, но жизнь не выпускала из лавочек, где приходится проводить целые дни, торгуя, исправляя и подновляя железное старье. Тут он работает попеременно то молотком, то пером, тут и

мастерская, тут и рабочий кабинет, в котором написаны стихи, ставшие хрестоматийными:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;
Вот свернулись санки,
И я на бок - хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб...

Между фольклором и литературой нет явной границы, точного и старого разделения. Суриков творил как бы в пограничной области. И его создания подхватывались народом, уже его соавторами становились безымянные для нас люди - те, кто сокращал, шлифовал, переиначивал суриковские строки:

“Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?” ...
Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Этим стихам сто двадцать лет, а недавно я слышал, как их пела маленькая - но весьма современная - девочка в пионерском лагере.

В своем творчестве Суриков оставался близким деревне, тяжкому крестьянскому труду и быту:

Вставай, товарищ мой! Пора!
Пойдем! осенний день короток...
Трудились много мы вчера,
Но скуден был наш заработок.

Но кого интересовали проблемы русской деревни, особенно после реформы 1861 года, когда либерал поверил в снятие этих проблем росчерком царского пера? Без травли поэта, видно, не обошлось, если ему пришлось написать:

Честь ли вам, поэты-братья,
В напускном своем задо
Извергать из уст проклятья
На певцов тоски и горя?

В 1873 году Суриков заболел чахоткой, но возможность лечиться появилась только в 1877 году, когда вышел его третий поэтический сборник.

Я в жизни несчастьям только богат,
И весь я нуждою исколот...

Мне тяжело... За то ли меня обвинят,
Что бьет меня горе, как молот?

Второй сборник его стихов привлек внимание, собрал одобрительные отзывы в печати - Суриков в 1875 году был избран в члены Общества любителей российской словесности, но средства к существованию давала лишь тягостная работа за прилавком лавки железных изделий. Умер поэт за год до своего сорокалетия.

11 июня 1983 год

ПОЭЗИЯ ПУСТЕЮЩИХ ПОЛЕЙ

Несомненно Бунин - поэт - фигура менее значительная, чем Бунин прозаик, однако, его стихи принадлежат к самым серьезным явлениям русской поэтической культуры конца прошлого и начала нашего века.

Иван Алексеевич Бунин родился осенью 1870 года в Воронеже, где глава дворянской семьи удовлетворял свою страсть "к клубу, к вину и картам", что привело вскоре к тому, что будущий нобелевский лауреат детство провел на хуторе Бутырки, в последнем фамильном поместье. Потом была Елецкая гимназия, из которой вынужден был уйти "по семейным обстоятельствам", потом было упорное самостоятельное учение под наставничеством старшего брата, исключенного из университета за участие в народновольческом движении. Аттестат зрелости и дипломов Бунин получать не мог из-за трудностей с математикой, но в писательской среде выделялся своей культурой и образованностью. В юности увлекался Надсоном, позднее Фетом и Полонским, учился у Пушкина и Лермонтова, но упорно искал свое и себя в поэтическом мире, в котором - как в зеркале - отражался распад общества, по которому - как рябь - шли политический пессимизм, доказательства "космического бессмыслия бытия личности", пошлость, нарочитая заумь символизма.

А перед поэзией жизнь эмпирически ставила вопрос: в обществе или в космосе (то есть в природе в самом общем смысле этого понятия) личность должна искать гармонию, условия для развития, для самосознания и самопонимания?

Так на заре в степи широкой
Слышнее колокол видали,
Спокойный, вещий и далекий
От мелких горестей земли.

В стихах Бунин аполитичен, то есть далек от понимания реальных потребностей общества в радикальных переменах, изжитости старого мира, что в 1905 году было трудно не заметить, а он писал:

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиранные, родимые черты!

Лирическому герою своих стихотворений Бунин отказал в индивидуальности личности - он лишь частичка мира, объект для воздействия вселенских добра и зла:

Мир - бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом - жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною душою.

Но лирический герой всегда в кульминации напряжения, а описания, так сказать, обстановки драмы всегда у Бунина скупы и емки:

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь - с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Кстати, Бунин практически отказался от поисков ритмических новшеств, но он мастерски владел регулярными размерами:

Ранний, чуть видный рассвет,
Сердце шестнадцати лет.

Герой бунинских стихотворений сопротивляется робко, принимая все происходящее за космическую предопределенность:

Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила - и стал ей чужой.

Что ж! Камин затоплю, буду пить...

Хорошо бы собаку купить.

Но мир лирического героя расширяется, жизнь воспринимается в ее действительной сложности:

Ты и скрыть не умеешь,

Что ему ты чужда...

Ты меня не забудешь

Никогда, никогда!

Конечно же, к революционным событиям в России Бунин остался глух, революцию не понял и не принял, увидел в ней лишь разгул стихии, крушение миропорядка. Бунин утратил родину, в 1920 году эмигрировал, с тоской по России долгие годы жил во Франции, где и скончался в 1953 году.

Проза Бунина многим хорошо знакома (издавалась массовыми тиражами, включена в "Библиотеку школьника"). А заинтересовались ли вы стихами Бунина? 17 августа 1983 г.

СКВОЗЬ СТРОЙ ЭПОХИ

Валерий Яковлевич Брюсов родился в конце 1873 года в московской купеческой семье, которой однако не был чужд атеизм и материализм - над столом отца висели портреты Чернышевского и Писарева. Брюсов закончил историко-филологический факультет Московского университета, всю жизнь занимался напряженным самообразованием и литературным трудом.

Брюсов вошел в историю мировой литературы как выдающийся поэт и ученый, как прозаик и переводчик, как литературный критик, исследователь Пушкина, теоретик стиха. Главная заслуга Брюсова перед отечественной культурой следует считать организацию им профессионального образования будущих молодых советских писателей.

Брюсов был энциклопедически образованным человеком: владел добрым десятком языков (включая греческий, японский, древнееврейский, санскрит и латынь), будучи ректором и профессором Высшего литературно-художественного института (красным ректором, так как вступил в Коммунистическую партию в 1920 году), читал историю литературы (и даже историю математики), сравнительную грамматику, "энциклопедия стиха", латинский язык. Современник трех революций пришел к правде победившего пролетариата, работал с ними и для него.

А поэтический путь Брюсов начал с опубликования в 1895 году трех тонких тетрадок стихов - "Русские символисты", практически объявив себя вождем входящего в моду русского декадентства:

Фиолетовые руки

На эмалевой стене

Полусонно чертят звуки

В звонко-звучной тишине.

Такие вот "тени несозданных созданий" были объявлены формулой творчества. Был шумный успех, был следующий сборник со скромным названием "Шедевры", была скандальная слава известного однострочечного стихотворения Брюсова:

О, закрой бледные ноги.

Конечно же это была попытка освободиться от законов реальности, изолировать сознание. Выход из этого тупика был один - к людям, к объективной действительности и преобразованию ее.

-Каменщик, каменщик, в фартуке белом,

Что ты там строишь? кому?

-Эй, не мешай нам, мы заняты делом,

Строим мы, строим тюрьму.

Капитализм урбанизировал жизнь - вслед за Некрасовым поэт пытается осознать тайны города:

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Отгремевшие две революции потребовали переоценки ценностей - появляется цикл стихов "Единое счастье - работа!":

Великая радость - работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета, -
Все счастье земли - за трудом!

Это уже была позиция, к которой можно было прийти лишь отбросив знамена декаденства, познавая законы исторического материализма. "Я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси!" - писал Брюсову в этот период (незадолго до Октябрьской революции) Горький. В одной из своих заметок Брюсов признавал: "Выбери себе героя - догони его, обгони его, - говорил Суворов. Мой герой - Пушкин".

В самые трудные годы после Октябрьской революции Бунин "заставил работать мечту", появились циклы стихов, в которых правда революции была понята, принята:

Тот, кто полной чашей
Нашей прошлой правды муть, -
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Творчество Брюсова 90-х годов было пронизано поисками героической личности. В образе В.И.Ленина он увидел концентрацию всех тех героических черт, которые он искал в истории, и тех, которых история еще не знала:

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье - имя это,
Меж слав твоих - прекрасней нет!

Но и сто жизней не насытили бы жажду брюсовского познания - кто он, "Вождь, земной Вожатый народных воль, кем изменен путь человечества?" что дает силу народному вождю:

Но, морем поднятый, вал только морем властен,
Он волнам влеком, как волны он влечет -
Так ты, народный вождь, и селен и прекрасен,
Пока, как гребень волн, несет тебя - народ!

За год до смерти Брюсова (в конце 1923 года) советская общественность торжественно отпраздновала его пятидесятилетний юбилей, отметив его заслуги поэта, критика, педагога и общественного деятеля перед страной.

19 августа 1983 г.

ПОИСК ЗАКОНЧЕН

Газета опубликовала уже более тридцати моих заметок о русском поэтическом наследии. Надеюсь, что многие читатели заинтересовались поэзией, уже и сами не однажды брали в руки томик стихов, чтобы увлечься диалектикой поэтической мысли. Мы прошли с вами путь длиною в 150 лет, но эхо поэтической строки будет еще звучать, да, и если говорить честно, мои авторские планы включают заметки о творчестве еще несколько десятков русских и советских поэтов.

Самым трудным в моем деле является отбор. Ясно, что обо всех (да и где следы о них, обо всех? не расскажешь, но в процессе подготовки узнаешь новых

интересных поэтов, без которых, как кажется, канва повествования будет слишком крупной. Сознаюсь, что помимо больших задач и сложных планов построения серии этих заметок были у меня и, можно сказать, маленькие задачки. Обо всех рассказывать долго, а об одной поведаю.

Вы и я сотни раз слышали этот романс в очень хороших и разных исполнениях. А на чьи стихи он написан?

Только вечер затеплится синий,
Только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса,
Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик, как тень,
И чадру на головку надень

Конечно, за три четверти века стихи претерпели стилистические изменения, но они нами узнаваемы и звучат с первой строки на известную мелодию.

Написал стихи Алексей Николаевич Будищев, род которого ведет начало от полковника запорожского войска Будищева, который при Екатерине II жалован был дворянством. Прадед поэта первым в России составил мореходную карту Черного моря, а дядя составил описание Амурской области и реки Амур.

Будищев родился в январе 1866 года в Саратовской губернии на хуторе отца, не богатого землевладельца и земского деятеля. Закончил курс Пензенской гимназии, в 1884 году поступил в Московский университет на естественный факультет, а затем перешел на медицинский. Но университета не кончил - болезнь сердца и сильное нервное расстройство.

Начал со стихов, потом много писал пародий, шуточных стихов и рассказов. В начале 90-х годов, переехав в Петербург, завязывает отношения с солидными журналами, пишет несколько романов, пьес, сборников рассказов - к 1912 году им было издано около двухсот печатных листов беллетристики и около ста листов газетных статей. Но популярность и благополучие не приходили, но всероссийскую известность имел как автор слов романса "Только вечер затеплится синий".

Во многих прозаических вещах Будищева ощущается влияние Достоевского. После юбилея 1912 года интерес к его творчеству повысился - в газетах критические статьи, приветствия.

Стихотворения Будищева были изданы отдельными сборниками дважды в 1901 и 1915 годах, но уже надежно забыты, хотя "Кошмар", "Триумфатор", "Монах" встречались в рукописных альбомах смолян и старших гимназистов. А вот эти стихи стали известны надолго:

Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу...

Умер Будищев осенью 1916 года от болезни сердца в Петрограде. Похоронен на Волковском кладбище.

8 октября 1983 года.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Действительно, тот, кто скрывался за псевдонимом К.Р., был одним из многих, писавших стихи, наводнявших журналы. Стихи даже были удачными, дошли до нас, но не продвигали поэтическую мысль, никого никуда не вели, не звали. В отношении К.Р. это было естественно, ибо от жизни его надежно отгораживали стены Зимнего и других дворцов, большие эпoletы и вакуум света.

Первое его стихотворение было опубликовано в 1882 году на страницах "Вестника

Европы” - автору было уже двадцать четыре года. К этому времени он получил образование европейского образца, совершил ряд морских дальних походов, участвовал в военных действиях против турков на Дунае.

Учителями своими К.Р. считал Фета, Майкова, Полонского. Н самобытным и оригинальным поэтом не стал. Несомненно обладал лирическим дарованием и достаточно искусно владел техникой стиха.

О дитя! Под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду.
Убаюкана пеньем моим
Ты найдешь в сновиденьях отраду.
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья.

Вы, конечно, узнали известный романс на музыку П.И. Чайковского. Кстати, К.Р. был музыкален, сам выступал на сцене (правда Мраморного дворца) с исполнением сложных произведений Моцарта, Чайковского, Штрауса. В разное время стихи К.Р. были положены на музыку Глазуновым, Глиэром, Ипполитовым-Ивановым, Рахманиновым. Может быть именно благодаря соединению с музыкой великих композиторов, стихи К.Р. остались наиболее долговечной частью его поэтического наследия.

Конечно же, К.Р. попытался в стихах быть ближе к народу:

“Письмо из-за границы”, “Умер”, “Пред увольнением”, “Уволен” и др. о солдатской службе, о солдатской доле:

Уволен! Отслужена служба солдата,
Пять лет пронеслись словно день.
По-прежнему примет родимая хата
Его под радушную сень.

(Вы чувствуете в этих стихах отчужденность, а, если сказать резче, то даже фальш? Так кто же ставил вместо подписи две буквы? Которые, кстати, читатель того времени хорошо расшифровывал.).

К.Р. переводил Шиллера, Гете, даже шекспировского “Гамлета”. На сцене Эрмитажного театра сам выступал в роли Гамлета. Был близко знаком с А.Г. Рубинштейном, общался с Чайковским. А в мае 1889 года указом Сената был назначен президентом Российской академии наук. Слыл либералом и меценатом, но в 1905 году распорядился закрыть Академию художеств, в стены которой проник революционный дух. При его участии были отменены результаты выборов в академики М. Горького.

Без малого сто лет назад были написаны стихи, положенные на музыку Чайковским. Романс этот пели голоса, память о которых всегда будет с русскими людьми. А нам лишь остается поразмышлять об отражениях эха поэтической строки, сложностях жизни и собственного восприятия мира.

Растворил я окно,- стало грустно невмочь,-
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханием сирени.

А в дали где-то чудно так пел соловей,-
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далекой.

К.Р. умер летом 1915 года в Павловском дворце. Похороны были пышными и строго по протоколу. На общем собрании Академии наук произносились большие

речи об августейшем почетном академике и поэте - за скромными буквами псевдонима стоял великий князь Константин Константинович Романов.

8 октября 1983 года.

М И Р А Ж

Поэзия, как барометр, реагирует на завтрашнюю погоду. В конце 90-х годов, в период глубокой реакции, сменившей революционный подъем середины 70-х годов, общественная тема у большинства поэтов звучала приглушенно, многие, образно говоря, весла бросили, а многих жизнь несла на острые береговые камни, в теории литературы определяемые одним словом - д е к а д а н с .

Декадентство сплелось из абсолютизма лозунгов "искусство для искусства", безнадежности и неприятия жизни и забвения традиций русской демократической поэзии. Все наличные силы были брошены на создание и защиту таких направлений как символизм, акмеизм, футуризм. Искусственный шторм направлений захлестнул живопись, музыку. Но было ли что-нибудь прогрессивно-полезное на этом пути, как мы теперь понимаем, в никуда? Было: понимание кризиса буржуазной культуры, иллюзорности ее ценностей, даже полное отрицание их. Но ломать - не строить. Для строительства нужно иметь конструктивную программу и ясную цель.

Брюсов, Минский, Мережковский, Бальмонт, Сологуб, Белый и другие на практике и в теории разрабатывали литературные манифесты символистов:

Мне мило отвлеченное:

Им жизнь я создаю...

Я все уединенное,

Неявное люблю.

Вот такой вот символ. Но знать бы; чего символ? А вот этот вопрос запрещен "правилами игры".

В красоте музыкальности,

Как в недвижной зеркальности,

Я нашел очертания снов,

До меня не рассказанных,

Тосковавших и связанных,

Как растения под глыбою льдов.

Это я нашел у Бальмонта, который писал: "Верь напевности строк, будь без думы со мной".

Образы, символы, образы. Ими создавалось настроение стиха, усиленное "напевностью строк" и мастерством:

Но устал я лепетать

Звучный лепет детских дней.

Полночь бьет... Мне страшно спать,

А не спать еще страшней.

Я процитировал "Ноктюрн" Н.М. Минского. Его настоящее имя Николай Максимович Виленкин. Родился он в январе 1856 года в небогатой еврейской семье. Черта оседлости лишала его многих прав - нужно было окончить гимназию с золотой медалью, давшей возможность поступить на юридический факультет Петербургского университета. Первые публикации вызвали объяснения с цензурой, потом было завоевано "титло отца русского декадентства", потом была газета "Новая жизнь", предоставленная в распоряжение ЦК большевиков. В 1905 году Минский публикует свой известный "Гимн рабочих", а потом в эмиграции поступил на службу в советское полпредство в Лондоне.

Андрей Белый (Борис Бугаев) родился в 1880 году в семье известного математика. Получил физико-математическое и филологическое университетское

образование, прошел творческий путь через пепел символизма, принял Великую Октябрьскую революцию, стал советским писателем. В любой книге о Блоке упоминается А. Белый. В 1918 году им написана поэма “Христос Воскрес”, перекликающаяся с блоковской “Двенадцать”.

А в 1903 году в первых шеренгах русских символистов А. Белый писал:

В сердце бедном много зла

Сожжено и перемолото.

Наши души - зеркала,

Отражающие золото.

Известно, что беспринципность роднит и объединяет. Символизм стал притягивать бесталантных, пустых и неумных рифмачей. Именно им была адресована в 1909 году пародия “Стилизованный осел” (Ария для безголосых) Саши Черного:

Я волдырь на сиденье прекрасной российской словесности,

Разрази меня гром на четыреста восемь частей!

Оголюсь и добьюсь скандально-всемирной известности,

И усядусь, как нищий-слепец, на распутье путей.

О Саше Черном еще отзовется наше поэтическое эхо. Символизм же умер, не очень нам интересен, но из пены его вышли Брюсов, Блок, влияние которых на русскую поэзию огромно.

9 октября 1983 г.

ЕЩЕ НЕ УТРО

В журналах второго десятилетия появились жаркие споры, суть которых сводилась к тому, что вместе с символизмом в поэзии или на смену ему зреет новое направление, названное акмеизмом (от греческого слова, обозначающего высшую степень чего-либо, цветущую пору). Все началось со статей Н. Гумилева и С. Городецкого в журнале “Аполлон”, где и была изложена теоретическая основа нового направления. Понять эту основу не просто, даже Александр Блок вынужден был вступить в полемику. Позволим себе оставить строгости определений и обратить внимание на второе название направления - адамизм, что, по мнению его теоретиков, обозначает мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь. И хотя адамизм не выпадал из модернистско-декадентских перелицовываний поэзии, стремление к ясности, твердости и мужественности заслуживало похвалы.

Наиболее заметными практиками нового направления были Гумилев, Городецкий, Кузьмин, Анна Ахматова, Зенкевич, Осип Мандельштам.

И как я тебе расскажу про тропический сад,

Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...

Ты плачешь? Послушай... далеко на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Анна Ахматова (Горенко Анна Андреевна; 1889-1966) в те годы писала в жанре интимно-психологической лирики. Родилась под Одессой в семье флотского инженера. Училась на юридическом отделении Киевских высших женских курсов и на Высших историко-литературных курсах в Петербурге. Первый сборник стихов “Вечер” вышел в 1912 году, был замечен критикой и читающей публикой.

Я живу, как кукушка в часах,

Не завидую птицам в лесах.

Заведут - и кукую.

Знаешь, долю такую

Лишь врагу

Пожелать я могу.

Стихи Ахматовой многим известны, они положены на музыку. Их сегодня знают культурные люди планеты.

Слава тебе, безысходная боль!

Умер вчера сероглазый король.

Стихи акмеистов были совершены, но благородная традиция тенденциозной гражданской русской поэзии в них была в забвении.

После ветра и мороза было

Любо мне погреться у огня.

Там за сердцем я не уследила,

И его украли у меня.

Поэзия Мандельштама тоже известна, его стихи тоже поют и у нас, в Польше, в других странах. В ту пору, о которой веду рассказ, на фоне неприятия жизни, всяких уходов от нее эмоционально-положительный (но не розовый) настрой стихов Мандельштама воспринимался одобрительно:

Я и садовник, я же и цветок,

В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло

Мое дыхание, мое тепло.

В стихах Мандельштама появляется упругость и ясность поэтически оформленной глубокой мысли. К примеру, об "Адмиралтействе":

Ладья воздушная и мачта-недотрога,

Служа линейкою преемникам Петра,

Он учит: красота - не прихоть полугоба,

А хищный глазомер простого столяра.

В его стихах появляется намек на поиск места в мире, поиск рационального:

Будет и мой черед -

Чую размах крыла.

Так - но куда уйдет

Мысли живой стрела?

Акмеизм сделал свое дело и мог уходить. Но до "большака" гражданской поэзии оставались еще крутые повороты.

10 октября 1983 года.

БУДУЩЕЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

В 1912 году вышел сборник со "скромным" названием "Пощечина общественному вкусу", в котором Д. Бурлюк, Крученых, Маяковский и Хлебников разразилась литературным манифестом футуристов. Это был бунт против всех, это был вызов, это был пожар. Позволю себе чуть-чуть процитировать этот документ, прогнозирующий будущее:

"Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности"; "Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов"; "Всем этим (далее перечисляются весьма заслуженные литературные современники - П.Г.) нужна лишь дача на реке. Таковую награду дает судьба портным".

Каково?

А вот и образец стихов нового направления, с языком "напоминающим пилу или отравленную стрелу дикаря", без знаков препинания, с сокрушенными ритмами, с потерянными размерами:

Каждый молод молод молод

В животе чертовский голод

Так идите же за мной...

За моей спиной

Так писал Давид Бурлюк. Но такого для кубофутуристов мало - надо искать, как

Виктор Хлебников, новые звуко сочетания, новые образы:

Бобэоби пелись губы,
Вэзоми пелись взоры,
Пизэо пелись брови,
Лизээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

Как говорится, если положить, что дважды два не пять, то можно создать любую теорию - в книге "Танго с коровами" Василий Каменский "вернулся" к классической теме памятника:

Комитрагический моей души вой
Разливе будто на Каме пикник.
Долго ли буду стоять я Живой
Из ядреного мяса Памятник.

Можно ли поверить, что все эти и другие "шедевры" создавались людьми, имеющими приличное воспитание и университетское образование, знающими литературу, живопись, музыку? Но это именно так, и именно этим страшна пропасть модернизма, новаторства ради новаторства.

В 1913-16 годах в сборниках "Громокипящий кубок", "Ананасы в шампанском", "Поэзоантракт" усилиями одного человека начал вылепливаться эгофутуризм. Поэт (кстати, призванный Королем поэзии, позднее победивший на рыцарском поэтическом поединке даже Маяковского) писал о себе просто и откровенно:

Я, гений Игорь Северянин
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсеградно утвержден!

Северянин в стихах был напевен, остроумен, местами забавен. Его фиолетовый транс, мороженое из сирени, поэмы, собственные похороны становились гвоздем сезона - их читали, и учили наизусть (заламывая руки), они входили в набор грез о красивой жизни.

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла - в башне замка - Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Саша Черный, который все свое творчество посвятил развенчанию мещанства, назвал многое в модернизме "напевно-коралловым прыщем", а апологетов всяких "измов" собирательно - "галантно-развязно-манерно-изломанными хлыщами". Резко, но не без доли правды.

Но созданное (даже в заблуждениях) не пропадает. Футуризм "пришпорил" поиски новых форм, размеров, рифм, взбудрил процесс словообразования, породил новые слова (мы ими сегодня пользуемся!), но со сцены должен был уйти, оставив в мировой поэзии такое громадное явление как Владимир Маяковский.

11 октября 1983 года.

З Л О Б О Д Н Е В Н О С Т Ъ

Мрачное время реакции 1908-1912 годов: правительственный террор, столыпинские виселицы, разгул черной сотни, опошление, загнивание душ, отбой после революции 1905 года, пропасть отрыва так называемых "культурных людей" от народных интересов и нужд. Девятым валом вставали обывательщина и бездуховность, захлестнувшие поэзию и литературу.

Именно в это время в журнале "Сатирикон" читатели с нетерпением ждали появления новых стихов, которые тут же выучивались, цитировались курсистками, инженерами, учителями, студентами, адвокатами, врачами. Стихи эти писал Саша

Черный, подлинное имя которого - Александр Михайлович Гликберг, а родился он в Одессе в 1880 году.

Голос у Саши Черного был собственный - едкий, саркастический, пронзительный.

Отбой, отбой,

Окончен бой,

Под стол гурьбой!

“Отречемся от старого мира...”

И полезем гуськом под кровать.

Нам, уставшим от шумного пира,

Надо свежие силы набрать

Ура!!

Маяковский в автобиографии “Я сам” написал: “Поэт почитаемый - Саша Черный. Радовал его антиэстетизм.”, часто повторял строки Черного, любил повторять - как вспоминает К. Чуковский - такие:

Губернатор едет к тете.

Нежны кремовые брюки.

Пристяжная на отлете

Вытанцовывает штуки.

Стихи он писал от имени обанкротившегося в моральном плане интеллигента (мужского и женского пола), которого через семьдесят лет советский поэт Андрей Вознесенский хлестко назовет “люмпен-интеллигентом”:

Как молью, изъяден я сплином.

Посыпьте меня нафталином!

Саша Черный мог описать светскую львицу полусветских слонов:

Лиловый лиф и желтый бант у бюста,

Безглазные глаза - как два пупка.

Чужие локоны к вискам прилипли густо,

И маслянисто свесились бока...

Предельно точно воссоздать “Обстановочку” быта:

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом,

Жена на локоны взяла последний рубль,

Супруг, убитый лавочкой и флюсом.

Подсчитывает месячную убыль...

Безбровая сестра в облезлой кацавейке

Насилует простуженный рояль...

Мог охарактеризовать на славном посту житомирскую газетку:

Живет перепечатками

Газета-инвалид

И только опечатками

Порой развесилит.

Под удары сатирических стихов Саши Черного попадали сиропообразные стихи для детей, безобразный разгул эротических рифмований, чопорная цензура, приклонение перед западной культурой, неумное застолье, урапатриотические вопли, связанные с мировой войной, разноцветье политической “активности”:

Моя жена - наседка,

Мой сын, увы, - эсер,

Моя сестра - кадетка,

Мой дворник - старовер.

Кухарка - монархистка,

Аристократ - свояк,

Мамаша - анархистка,

А я - я просто так...

Саша Черный остроумен и острословен, афористичен и интересен. Стихи его запоминаются, шутки и отдельные фразы поражают многообразием, четкостью, прицельностью. Интересны его стихи для детей.

В 1920 году он покинул Россию - Литва, Рим, Париж. Печатался. Основным лейтмотивом новых стихов становится тоска по родине и прославление старого русского быта, который так возмущал его прежде...

Наследие Саши Черного довольно велико, а вот лирическое стихотворение я обнаружил с трудом и всего одно. Называется оно "Мой роман", многие его знают, а заканчивается оно так:

Для ясности, после ее ухода,
Я все-таки должен сказать,
Что Лизе - три с половиной года...
Зачем нам правду скрывать?

В 1928-32 годах Саша Черный создает цикл солдатских рассказов. Переезжает на юг Франции в Прованс. В августе 1932 года после участия в ночном пожаре почувствовал себя плохо и умер. В последний путь провожали русского поэта французские фермеры и их дети.

24 декабря 1983 г.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ!

Такова уж диалектика поэзии и жизни - кто-то должен, опираясь на культурно-историческое наследие, расставить точки, подвести итоги поисков поэтов и направлений поэзии 19 века. История уготовила эту роль великому поэту Александру Александровичу Блоку.

Блок родился в ноябре 1880 года в Петербурге, в "ректорском доме" университета. По происхождению, воспитанию и семейным связям он принадлежал к верхушке дворянской научно-художественной интеллигенции. Среди предков и родственников его было немало известных ученых, профессиональных литераторов. С детства литература и искусство были для него частью домашнего быта, средой высокой наследственной культуры.

Творчество Блока сложно, огромно, противоречиво в частных проявлениях. Стихи и поэмы, статьи и проза Блока любимы миллионами людей, исследованы в сотнях диссертаций и монографий, стали частью цивилизации. Блок умер в августе 1921 года, но сорока лет ему хватило на несколько жизней: от сословной и культурной обособленности дворянской культуры, равнодушия к пульсу русской жизни, восприятия новых общественных сил лишь как знамений "конца мира" к неприятию капиталистической действительности, созданию иллюзорного идеала в "Стихах о Прекрасной Даме". Развернувшиеся в России революционные события усилили социальную направленность поэзии Блока, вывели из кельи в ряды демонстрантов 1905 года. В самое глухое время реакции у него складывается "огромная концепция живой, могучей и юной России", завещанная русской классической литературой и передовой общественной мыслью:

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Конечно, Блок был далек до понимания революционной роли пролетариата, но волю народа к борьбе за свободу, назревание революции в России и роль России в истории человечества поэт чувствовал сердцем, нервами, понимал воспитанным умом. В творческом сознании Блока возникает, реализуется в стихах высокий

романтический идеал - поэт начинает борьбу за формирование “духовно-мощного”, способного “жадно жить и действовать” целостного творческого человека:

О, весна без конца и без краю -

Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!

И приветствую звоном щита!

В тот время когда модным и принятым было нытье, видения конца мира, невротения и самоубийства, Блок заявляет:

О, я хочу безумно жить:

Все сущее - увековечить,

Безличное - вочеловечить,

Несбывшееся - воплотить!

Такое заявление было уже позицией, поступком, гражданским подвигом.

Крушение самодержавия Блок воспринял как “начало жизни”. Сразу же после Октябрьского переворота Блок открыто определил свое место в качестве сторонника и сотрудника советской власти. Уже в начале ноября 1917 года Блок и Маяковский откликнулись на призыв ВЦИК и пришли в Смольный на совещание петроградской литературно-художественной интеллигенции, осознали всемирно-историческое значение Великого Октября.

В январе 1918 года под впечатлением известия об угрозе наступления советских войск на Петроград, начала крестового похода западно-европейских империалистов против Советской России Блок пишет поэму “Скифы”, в которой обличает буржуазную цивилизацию, кующую оружие войны, от имени России бросает гордый вызов старому миру:

О, старый мир! Пока ты не погиб,

Остановись, премудрый, как Эдип,

Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия - Сфинкс...

В том же январе 1918 года Блок создает, по мнению критиков, наивысшее творческое достижение - поэму “Двенадцать”, в которой реальные движущие силы пролетарской революции определены поэтически ясно:

...Вдаль идут державным шагом... ,

то есть в будущее, далекое будущее, то есть как хозяева жизни, хозяева

Советской державы:

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

...Чтобы написать эту заметку о поэзии Блока мне понадобилось прочитать тысяч пять-шесть страниц стихов и прозы, критики и писем. Уверяю вас, что путешествие по этому материку - называемому Александр Блок - захватывает бесконечностью, страстью, глубиной ума и чувств.

25 декабря 1983 г.

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Маяковского нельзя не любить. Но к любви этой надо прийти через понимание широты и глубины личности поэта, через непростое восприятие необычных слов, размера стиха, даже рисунка стиха. Надо научиться читать “лесенки” его стихов - тогда, как в хорошей музыке, можно почувствовать тонкие оттенки настроения, как хорошей живописи, можно заморозиться композицией - в которой нет ничего лишнего, - игрой света и светотени.

В автобиографии “Я сам” он написал: “Я - поэт. Этим и интересен”.

Все время гудит

телеграфной струной,

это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

Маяковский родился летом 1893 года. Учился в гимназии. Под партой “Анти-Дюринг”. В 1908 году вступил в РСДРП (большевиков), первый арест, второй, третий. Отдан под надзор полиции и под родительскую ответственность. Училище живописи, ваяния и зодчества. Российский футуризм. Убежденность в крушении статья: “Пощечина общественному вкусу”, желтая кофта - изгнание из училища.

В 1915 году - “Облако в штанах”: долой вашу мораль, долой вашу лживую жизнь.

У меня в душе ни одного седого волоса,

И старческой нежности нет в ней!

Мир огромив мощью голоса,

иду - красивый,

двадцатилетний.

Потом в 1916 - “Флейта-позвоночник”, потом - “Война и мир”, “Человек”.

А потом революция, 1917 год. Маяковский с теми, кто вышел строить и месть.

Довольно жить законом,

Данным Адамом и Евой.

Клячу истории загоним.

Левой!

Левой!

Левой!

Потом “Мистерия Буфф”, окна РОСТА, “150 000 000”, агитпроп, упреки за “пробки в моссельпроме”. Время трудное, голодное, беспрецедентное - легко сбиться с ноги. Маяковский, как стрелка компаса, компаса истории, находит себя в общем пролетарском деле.

Мы

диалектику

учили не по Гегелю.

Бряцанием боев

она врывалась в стих...

Он считал себя мобилизованным и призванным революцией, как каторжный он создал свои “сто томов партийных книжек”. Среди них - поэма “Владимир Ильич Ленин”, поражающая поэтической силой, глубиной исторического мышления, верностью настроения.

Партия и Ленин -

близнецы-братья,-

кто более

матери-истории ценен?

Мы говорим - Ленин,

подразумеваем -

партия,

мы говорим -

партия,

подразумеваем -

Ленин.

Маяковский глубоко лирический поэт. “Окровавленный сердца лоскут” поэта всегда перед читателем. Но Маяковский лирический поэт нового типа (аналога нет в истории русской поэзии!), обогативший мировую поэзию принципиально новой поэзией: перо пусть будет приравнено к штыку, поэт - “народа водитель и одновременно народный слуга”, стихи должны стать сплавом личного и социального, лирического и эпического, а слово должно быть живым, четким и метким.

Нас окружают цитаты, фразы и слова Маяковского. Стихи его знают и любят во всем мире. Стихи его рабочим классом, стихи его в революционной борьбе.

Маяковского надо перечитывать. В том числе, для “подзарядки” социальным оптимизмом, умением заглядывать в будущее.

Отечество
славлю,
которое есть,
но т р и ж д ы -
которое будет.

28 января 1984 год.

МОЛОДЕЖЬ! ТЫ МОЕ НАЧАЛЬСТВО

Об этом поэте ходили и ходят легенды, шутки его повторяют, песни его поют. Первые и последние его стихи пропитаны романтикой, а еще доброй иронией. Его стихи лишены выспренности, но всегда подкупают пафосом и здоровым мажором. Ему было 36 лет, когда в 1939 году он написал с удивительным юношеским задором:

Трусов плодила
Наша планета,
Все же ей выпала честь,-
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

Он был молод в очень интересное время. В годы гражданской войны - фронт, комсомол, учеба. 29 августа 1926 года “Комсомольская правда” напечатала стихи, которые сделали его известным, а потом знаменитым. А сколько поколений советских людей, молодых людей попали под обаяние напевных строк:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И “Яблочко”-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая -
Степной малахит.

А сколько миллионов пионеров спело песню “Маленький барабанщик”:

Мы шли под грохот канонады
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартанцев, смелых бойцов.

Он всю жизнь сохранял в себе детскость, умение удивляться, радоваться жизни, а еще простоту, отсутствие позы. Зная Михаила Аркадьевича Светлова говорили, что в его стихах угадывается даже выражение его лица:

С первого пожатия руки

Как переменялось все на свете!
Обручи катают старики,
Ревматизмом мучаются дети,
По Севану ходят поезда,
В светлый полдень зажигают свечи,
Рыбам опротивела вода,
Я люблю тебя как сумасшедший.
В 1935 году Светлов написал "Песню о Каховке":
Под солнцем горячим, под ночью слепую
Не мало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

В годы Великой Отечественной войны Светлов на фронте, военный корреспондент. Многие даже помнят фотографии в книгах, журналах - характерный профиль, да и позы, всегда пойманные фотографом врасплох. В 1943 году он написал стихотворение "Итальянец":

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю и нет справедливости
Справедливее пули моей!
Никогда ты здесь не жил и не был!
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

"Когда говорят пушки, муза молчит". Все знают пословицу. Веру и победу можно укреплять стихами, песнями. В 1942 году Светлов укреплял ее "Песней о фонариках":

Над родной Москвою, вдоль Москва-реки,
Самолеты вражеские шли,
И тогда карманные фонарики
На ночных дежурствах мы зажгли
Бессменный часовой
Все ночи до зари,
мой старый друг - фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Это Светлов писал: "Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!", это Светлов спрашивал друзей, принесли ли они ему пиво, так как рак у него уже есть (жесткие боли были долгими). Это Светлов за год до смерти, летом 1963 года, отвечая на приветствия и поздравления по случаю юбилея сказал: "Я вижу, что вы все меня очень любите. И я вам сейчас объясню почему. Я могу прожить без необходимого. Но без лишнего прожить не могу".

"Могу без необходимого, без лишнего прожить не могу". Вероятно эта формула верна, если бы только нам хватало мудрости отличать одно от другого.

31 января 1984 г.

МЫ ЮНОШЕСТВОВАЛИ С ОКТЯБРЕМ

Уткин родился в один день со Светловым - в 1903, был бойцом гражданской войны, был другом Светлова, с которым роднила одна тема - тема комсомола.

Мы вырастали,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!

Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

Светлов писал, что секрет успеха поэзии Иосифа Уткина в полной гармонии личности поэта с его творчеством - он звал к благородству и сам был благороден, славил любовь и сам полон был любви, призывал к мужеству и был необыкновенно мужественен.

Уткину в бою оторвало четыре пальца правой руки. Иосиф Павлович был очень музыкален и теперь был лишен возможности прикоснуться к инструменту. Погиб он осенью 1944 года, в авиационной катастрофе, возвращаясь с фронта.

В 1925 году Маяковский восторженно принял "Повесть о рыжем Мотеле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох", в котором Уткин удивительно сочетал революционный пафос, тонкую лирику и калорит крушения капитализма в еврейском местечке.

Сколько домов пройдено,
Сколько пройдено стран.
Каждый дом - твоя родина,
Свой океан.
И под каждой слабенькой крышей,
Как он не слаба, -
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...
И редко,
Очень редко -
Две мыши
На одну цель!
Вот: Мотеле чинит жилетки,
А инспектор
Носит портфель.

Уткин любил "солнечные лица" людей, знал, что "мы любим дом, где любят нас", иногда с легкой грустью мог "философствовать":

Мы с тобою станем старше.
Загрустим. Начнем сесть.
На прудах на Патриарших
Не придется нам сесть.
Потеснимся и уступим
Молодым скамью и ночь.
Но теме всегда он был верен, а темой был комсомол:
Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде блестели,
Блестели зубы
У него.
Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего "не понимэ".

В 1942 году Уткин написал цикл стихотворений, в которых гражданский пафос "по-уткински" (да "по-светловски") пронизывал лирику:

Только вам всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:

Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

В том же 1942 году (год этот характеризовать не надо!) Уткин пишет “Заздравную песню”, полную зрелого оптимизма в Победу.

А мы споем о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!
Тяжелое - забудется.
Хорошее - останется.
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.
29 января 1984 г.

НЕДОПЕТЫЕ СТИХИ И ПЕСНИ

При жизни его не были изданы ни сборники, ни даже подборки его стихов. Да и стихов было мало-умещались все они в нескольких тетрадах, с которыми в 1939 году под Новороссийском. Несколько тетрадей пропало.

В 1960 году вышел всего один сборник стихотворений Павла Когана “Гроза”, но его читают, знают, любят. Любят за юношеский максимализм, за романтизм, за честность:

Косым,
стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, грома возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну...
И снова тишь.
И снова мир,
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

В 1962 году на целинных стройках в Казахстане студенты, конечно, много пели. Пели песни Б. Окуджавы, пели песни на стихи Я. Смелякова и даже Саши Черного (“Где-то лаяла собака в затихающую даль, я пришел к тебе во фраке, эlegantный как рояль”), зарождалась на целине и песенная самодеятельность, которую, правда, почему всегда сдерживали, всегда находились кому сдерживать. Вот тогда где-то в районе Атбосара у студентов-картографов я и услышал:

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Конечно, сразу вспомнились гриновские алые паруса, конечно, сразу подкупала романтика, а уж вопрос о выяснении авторства более двадцати лет назад меня, конечно, не занимал. Слушали, пели...

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошовой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер
Люди Флинта песенку поют.

Потом (в московском молодежном клубе “Бригантина”; был такой в начале 60-х годов) я услышал имя Павла Когана, Павла Давыдовича Когана. Он был талантлив и пронзительно честен, он любил жизнь и поэзию. Он ушел на фронт, был военным переводчиком, разведчиком. Поэты редко ошибаются. Летом 1941 года под дождем у Литинститута, узнав о войне, Павел Коган сказал пророческую фразу: “Я ведь с нее не вернусь”.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза,
В флибустарском, в дальнем море
Бригантина поднимает паруса.

Коган, конечно, не был членом союза писателей, но был поэтом. Вот почему его имя внесено в память многих, вот почему его имя на мемориальной доске в здании редакции “Комсомольской Правды”, вот почему не все пророчества поэтов сбываются:

И, задохнувшись “Интернационалом”,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.

Так писал Павел Коган в апреле 1941 года. А недавно первокурсницы пели-слышала я его знаменитую “Бригантину”:

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

18 марта 1984г.

НА ВСТРЕЧУ ДНЯ

Борис Корнилов прожил озорно, увлеченно, весело, смотря на жизнь как бы из будущего, всего тридцать лет его стихи не печатались. Но все эти годы одна его песня будила людей в праздники и будни, вместе с кинофильмом “Встречный” ездила по кинофестивалям, пелась с эстрады. Окрыленная искрящейся мелодией Дмитрия Шостаковича она вошла в нашу жизнь, она не стареет, не теряет задора:

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?
Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

Корнилов очень любил Есенина. А в Ленинграде учиться он приехал из города Семенова Нижегородской губернии, из дома сельских учителей... Косоворотка, кепочка на самом затылке...

Дни-мальчишки,
вы ушли, хорошие,
мне оставили одни слова,-
и во сне я рыженькую лошадь
в губы мягкие расцеловал.

1926 год. Среди молодых и будущих поэтов до утра дебаты - кто “главнее” - Есенин или Маяковский. Корнилов очень любил Маяковского.

О.Бергольц вспоминает, как на выставке Маяковского “Двадцать лет работы” в Доме печати по пустующим залам с грустным лицом ходил сам Владимир Владимирович, неожиданный бойкотирования его отчета “большими” писателями. И

тогда Корнилов предложил Маяковскому сыграть в бильярд. Тот принял предложение, а всем стало как-то легче.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идет,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встает -
горячее и бравое
бодрит меня.
Страна встает со славою
на встречу дня.

Корнилов написал не много - сотню-две стихотворений, несколько поэм (наиболее известные "Триполье", "Моя Африка").

... Бываю я в одном доме, где любят петь, читать стихи, громко спорить. В доме этом еще давно услышал я такую песню:

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле,-
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девченок подлых -
нас укачивала любовь.

Где же я это читал? Кто же автор? Ведь это мне знакомо!

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы,
как пена, белы -
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.

Точно я это читал! Да не Виздор это, не Окуджава, не Якушева! Задолго до Никитиных...

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаза -
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...

Уверяю вас.

Да ведь это Борис Корнилов! Автор песни о встречном?! Давайте проверим. Был сборник в "Библиотеке советской поэзии" в начале 60-х годов. Нашли? Все точно - это Борис Корнилов.

18марта 1984г.

ВТОРОЙ ТАКОЙ РОССИИ НЕ НАЙДЕШЬ НИГДЕ

Вера Михайловна Инбер родилась в 1890 году в Одессе. Мать ее была педагогом, отец возглавлял научное издательство. Писать стихи начала рано, уже в 1914 году в Париже издала первую книгу стихов - "Печальное вино". Но мирок молодой поэтессы был узок, условен и чрезмерно красив (сказывалось влияние Бальмонта, Северянина, Кузьмина). Хотя и в нем встречались весьма милые, адресованные дочери:

"Мама, ты всегда проказница:
Я не мальчик. Я же дочь".
"Все равно, какая разница,
Спи, мой мальчик, скоро ночь".

В 20-е годы в поисках более тесной связи с жизнью Вера Инбер начала работать в газетах, - в качестве очеркиста, корреспондента, фельетониста. Это положительно сказалось в дальнейшем, в работе над стихами и прозой.

Огромным событием, которое потрясло весь советский народ, была смерть Владимира Ильича Ленина. Это трагическое событие пробудило политическую активность многих людей, до того времени стоявших в стороне от политической жизни. Тогда родилось первое подлинно советское стихотворение Веры Инбер “Пять ночей и дней”:

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.
Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

Уже к концу 20-х - началу 30-х годов у Инбер складывается ее самобытный творческий почерк, ее стихи уже отличаются “лица необщим выражением”. В частности, в стихах, посвященных Советской Средней Азии. Заметной стала и ее грустно-ироничная проза (“Соловей и роза”, “Интересно жить” и другие рассказы). Свое место в литературе она определила:

Страна моя, я у тебя в долгу.
Я у тебя в долгу, моя эпоха.

Инбер работает над серьезными и большими темами, но иногда позволяет себе мило шутить:

У сороконожки
Народилась крошки.
Что за восхищенье,
Радость без конца!

По стихам Инбер часто бывает отчетливо видно, что они написаны женщиной - им присущи мягкость, лиричность. Вот, например, колыбельная песня сыну, которого нет:

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама - чтобы петь.

Вера Инбер в стихотворении “Старость” (1931) писала, что “можно заставить даже грусть работать на социализм”:

Как бы сердце мое ни болело,
Я за него отвечать не буду;
Старость - это личное дело
Моих кровеносных сосудов.

Личная судьба Веры Инбер сложилась так, что она попала в Ленинград за несколько дней до того, как фашистские войска замкнули свое кольцо вокруг города-героя. В осажденном городе она написала дневник “Почти три года”, рассказы о ленинградских детях, поэмы и стихи. Здесь она вступила в ряды Коммунистической партии. В поэме “Пулковский меридиан” поэтически осмыслены героика повседневности, красота высоты духа советских людей, стремление их сохранить русскую и социалистическую культуру. Из кольца блокады Инбер призывала “обращать врага в пепел и дым”:

Бей врага, чтобы он обессилел,
Чтобы он захлебнулся в крови,

Чтоб удар твой был равен по силе
Всей моей материнской любви!
1963 году Вера Инбер в стихотворении “Читателю” писала:

Я знаю - это не педагогично,
Но знаю я и то, что сила строк
Порою может заменить (частично)
Веселый бал и вдумчивый урок.

Ей очень хотелось, чтобы ее книжки в простой обложке “трепетали у сердца в кармане делового пиджака”, была в сумке у домохозяйки, чтобы “студент, забывши про пятерки, ее во время лекции читал”.

В стихотворении 1923 года словами Инбер русская женщина обращается к человеку, который остается за границей:

И, плывя в края иные
По морской воде,
Ты второй такой России
Не найдешь нигде.

Умерла Вера Михайловна Инбер в 1972 году.
19 марта 1984г.

ЭЙ, ГОЛОВУ ВЫШЕ!

Октябрьскую революцию Багрицкий встретил восторженно.

В первые годы советской власти многие будущие творцы социалистической культуры встали в один воинский ряд со своими героями, обогащаясь пережитым и увиденным, воспитываясь и воспитывая других.

С юношеских лет накапливалась в сердце Багрицкого ненависть к мещанству, к миру стяжателей. Багрицкий к ненависти, обращенной к угнетателям, присоединил любовь: любовь к бойцам Октября, любовь к молодому социалистическому отечеству.

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

А родился Эдуард Георгиевич Багрицкий (Дзюбин) в Одессе осенью 1895 года.

Мечтал стать художником, но был отдан в реальное училище, где учился отвратительно. Лет до двадцати писал стихи о корсарах, Римских полководцах, экзотической креолке. В 1918 году в родном городе яростно сражался с контрреволюцией, в 1919 году вступил в Красную Армию, писал тексты листовок и воззваний к рабочим и крестьянам, потом работал в Роста.

В 1918 году опубликовал стихи, с первого взгляда далекие от современности:

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Это знаменитый “Птицелов”. Сколь празднично восприятие природы, сколько душевной чистоты и простоты, сколько свободы:

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,-
Отвечает соловей.

Вот разложил свои сети птицелов...

И пред ним - зеленый снизу,

Голубой и синий сверху -

Мир встает огромной птицей,

Свищет, щелкает, звенит.

В 1923 году Багрицкий пишет “Джона Ячменное Зерно”, усилив социальную направленность и даже дописав кое-что “за Бернса”:

Пусть не осталось ничего

И твой развеян прах,

Но кровь из сердца твоего

Живет в людских сердцах!

В 1923-24 годах Багрицкий публикует цикл стихотворений, посвященных Пушкину. В годы революции вольнолюбивая поэзия Пушкина стала для него по-особому близкой.

Я мстил за Пушкина под Перекопом,

Я Пушкина через Урал пронес...

И сердце колотилось безотчетно,

И вольный пламень в сердце закипал,

И в свисте пуль, за песней пулеметной -

Я вдохновенно Пушкина читал!

В 1925 году Багрицкий переехал в Москву, поселился в пригороде - в Кунцеве. Здесь весной 1926 года написал поэму “Дума про Опанаса”, в которой революционная трагедия у поэта оптимистична - комиссар, даже умирая, побеждает.

Человек разносторонних интересов - поэт, ихтиолог - Багрицкий работал за то, чтобы литераторы активно вторгались в жизнь, связывались с производством, с лабораториями, участвовали в научных экспедициях. Поэт высокой культуры, он сделал многое: познакомил русского читателя с творчеством Янки Купалы и Миколы Бажана, с творчеством шотландского народного певца Роберта Бернса и выдающегося французского поэта Артюра Рембо. Багрицкий совместно с Н.Деменьтьевым перевел первую вышедшую на русском языке книгу стихотворений Назыма Хикмета.

В тридцать семь лет его мучила неизлечимая болезнь. 16 февраля 1934 года, заболев в четвертый раз воспалением легких, Эдуард Георгиевич Багрицкий скончался. На похоронах его тело сопровождал эскадрон молодых кавалеристов. Таких же бойцов за революцию, каким был сам поэт.

“В мир, открытый настежь бешенству ветров” вошли жизнелюбивые и гуманные, прямые и искренние, обращенные к будущему человечества стихи Багрицкого.

Марта, Марта, надо ль плакать,

Если Дидель ходит в поле,

Если Дидель свищет птицам

И смеется невзначай?

2 января 1985 г.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Те, кому сегодня лет двадцать, знает его как писателя большой военной темы. Те, кому сегодня было бы около семидесяти, переписывали его стихи в окопах, а романы и пьесы его им так и не было суждено читать. Стихи его сотни тысяч раз треугольным почтовым голубем отправлялись фронта в тыл и из тыла на фронт. Симонов осенью сорок первого судьбой военного корреспондента газеты “Красная звезда” на сутки был заброшен в Переделкино (на дачу Льва Кассиля), где и закончил стихотворение-письмо. Ему было двадцать шесть лет, а уже была сложившаяся судьба поэта (до войны вышла книга стихов “Настоящие люди”, поэмы

“Ледовое побоище”, “Суворов”, перед войной - книга военных стихов “Стихи 1939 года”, посвященных событиям на Халхин-Голе) и военного корреспондента.

Стихотворение-письмо было адресовано женщине, которая, конечно, казалась единственной и которой надо успеть сказать самое личное, а стало стихотворение заповедью и исповедью, щитом и штыком, символом преданности, честности, презрения к предательству. Читаешь его, становится как-то неловко вспоминать наши досужие околонучные разговоры о телепатии, экстрасенсах.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло. -
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с топой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Проселки войны сводили с пепелищем, вдовьими слезами, женской песней, выводили на осязание понятия Родины.

Нас пули с тобой пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

На протяжении всей войны Симонов был военным корреспондентом газеты “Красная звезда”. Те, кому сегодня около пятидесяти, помнят его “Песенку фронтовых корреспондентов” (лихой фокстрот на музыку М.Блантера):

С лейкой и блокнотом,
Часто с пулеметом,
Первыми врывались в города...

Те, кому сегодня сорок с небольшим, помнят, как декламировали они на школьных вечерах симоновскую поэму “Сын артиллериста”:

Был у майора Деева
Товарищ - майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцати годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

Помнят они и симоновские стихи из цикла “Друзья и враги”, посвященные борьбе за мир - “Немец”, “В корреспондентском клубе”, “Митинг в Канаде”.

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишину - ту тишину,
Что обрывает залп.

Стихи Константина Михайловича Симонова читают, знают, помнят. Одни,

например, помнят такие:

Письма пишут разные:

Слезные, болезненные,

Иногда прекрасные,

Чаще - бесполезные,

в которых проповедуется польза писания писем "от случая до другого случая".

А недавно позвонила мне знакомая, дабы удостовериться: Симонов ли это?

Над черным носом нашей субмарины

Взошла Венера - странная звезда,

От женских ласк отвыкшие мужчины,

Как женщину, мы ждем ее сюда.

Симонов написал тысячи страниц романов, дневников, пьес, очерков. Его книги читают, зачитываются ими, будут читать. И будет вечно с людьми стихотворение, даже название которому дал за Симонова народ:

Жди меня, и я вернусь,

Не желай добра

Всем, кто знает наизусть,

Что забыть пора.

Январь 1985г.

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Миллионы детей первые для себя открытия в поэзии делают, когда им вслух читают его стихи. Потом читают его стихи сами, потом читают и смотрят его пьесы. Имя Самуила Яковлевича Маршака, прекрасного советского поэта, замечательного переводчика Шекспира, Байрона, Бернса, Шелли, Гейне, Петефи и еще ряда европейских поэтов, хорошо известно. Маршака ценят за доброту, за радость в стихах, за ясность и математическую точность поэтического слова. Но веселый и добрый сказочник Маршак становился беспощадным и суровым к врагам Советской страны - в годы великой Отечественной войны стихи его были боевым оружием поэта, после войны сатирические стихи и эпиграммы топили лед холодной войны.

Стихи для детей прочно живут в нас, оказывается мы знаем почти всего "детского" Маршака, цитируем, с радостью перечитываем:

Мать на рынок уходила,

Дочке Лене говорила:

- Печку, Леночка. не тронь.

Жжется, Леночка. огонь!

Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне...

Дама сдавала в багаж

Диван,

Чемодан...

Жил человек рассеянный

На улице Бассейной...

Лисавета, здравствуй!

Как дела зубастый?

Маршак родился в 1887 году. Вероятно, судьба его сложилась бы очень грустно, если бы не участие В.В.Стасова - внимание к пробе пера, поддержка, организация командировки в Англию... Потом работа на молодую советскую литературу, можно сказать, создание детской литературы...

Помните повести в стихах Маршака? "Ледяной остров", "баллада о памятнике", "Почта военная". А "Мистер Твистер"? Вот я их перечитал - хотя они адресованы явно не моей возрастной группе - и получил истинное наслаждение от прозрачности

стиха, от русского языка.

Ленинскую премию Маршак получил за сборник “Избранная лирика”, изданный в 1962 году (за два года до смерти поэта). В этой небольшой изящной книжечке Маршак раскрывает себя как поэта-философа, точнее мудреца, виртуозно владеющего акварельными красками поэтического слова:

Как птицы скачут и бегут как мыши,
Сухие листья кленов и берез,
С ветвей срываясь, устилают крыши,
Пока их ветер дальше не унес.

А вот такую надпись на часах можно просто принять за откровение, хотя и сами об этом все знаем:

Дорого во-время время.
Времени много и мало.
Долгое время - не время,
Если оно миновало.

Говорят: “архитектура - музыка в камне”. А сколько всего могут рассказать фасады и дворы в арбатских переулках?

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человеческое.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.
Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы...
Петербург, Петроград, Ленинград...
Всегда новый, такой знакомый:
Давно стихами говорит Нева
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад - Онегина глава.
О блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Каждое слово Маршака, каждая его строчка, лично мне, кажутся шедевром, образцом законченности, сосредоточием могущества русского языка, да и рассказать они могут со стольким оттенками о столь тонких переливах чувств, что и музыкой, пожалуй, не передать:

Возраст один у меня и у лета.
День ото дня по немногу мы стынем.
Небо могучего синего цвета
Стало за несколько дней бледно-синим...

Много мы решаем сложных вопросов и проблем. Порой кажется, что все нам по силам, на все вопросы ответы знаем или узнаем завтра:

Люди едят, а время стирает,
Все стирает, что может стиреть.
Но скажи, - если слух умирает,
и Разве должен звук умереть?

бянваря1985г.

РАЗГОВОР О ГЛАВНОМ

Более двадцати лет назад на казахстанской целине, как сейчас помню, во всех отрядах пели песню, которая то приписывалась Окуджаве или Высоцкому, то считалось самодеятельной:

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.

Обращаясь к друзьям

(не сочтите, что это в бреду):

постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом, в изголовье поставьте
ночную звезду.

Потом узнал я, что стихи эти написал Ярослав Васильевич Смеляков, который семнадцать лет отраду в 1930 году с направлением биржи труда подростков (была тогда такая) попал в полиграфическую фабрично-заводскую школу имени Ильича (что была в Сокольниках) и окунулся в атмосферу бодрой комсомольской жизни. - агитбригады, субботники, лыжные вылазки, стенные газеты, митинги.

Случайно стихотворение Смелякова попало к Михаилу Светлову, который взял да и напечатал в "Октябре". Такой бывает. А вот чтобы автор (он же машинный наборщик) сам случайно получил набирать собственное стихотворение бывает значительно реже, но случилось со Смеляковым. Кстати, позднее в той же типографии Смеляков целиком набрал свою книжку стихов "Работа и любовь".

Тема молодежи, тема рабочего класса всегда была преобладающей темой его литературной работы - в стихах, хроникерских заметках, передовых статьях и даже фельетонах. Сам Смеляков писал, что его стихи не годятся для изысканных литературных салонов:

Мы отвергаем за работой -
не только я, не только ты -
красивости или красоты
для справедливости красоты.

В стихах Смелякова - всегда лирическая патетика, всегда простая разговорная интонация, всегда много юмора (так и хочется сказать светловского юмора, будто юмор бывает чей-то):

Принялось мне, что я чугунным стал.
Мне двигаться мешает пьедестал.
Рука моя трудна мне и темна,
И сердце у меня из чугуна.
Всознании, как в ящичке, подряд
чугунных метафоры лежат.

Смеляков открыто причислял себя к "светлому следу миллиона мобилизованных комет", среди которых многие его одногодки стали "начальниками цехов России", "политработниками страны", но

Не прививалось преклоненье.
всегда претил кадильный дым
тебе, большое поколенье,
к какому мы принадлежим.

Смеляков мог быть трогательным, как может быть только сильный и опытный человек:

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет, Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.

Став учителем и советчиком многим начинающим поэтам, Смеляков мог закончить стихотворения на такой-то ноте:

Кто придет и кто меня научит,
как мне жить и как стихи писать?

Смеляков мог "Непрощеное стихотворение " посвятить ишаку:

Едущие в машинах,
нехотя, свысока,
сквозь боковые стекла
смотрят на ишака.

А мог с поразительной политической ясностью написать:

К нам несутся провода
дальний гул революций.

Мы не лезем туда,
там без нас обойдутся.

Но, однако, не прочь -
русской полной мерой -
пропагандой помочь,
поделиться примером.

Смеляков всегда откровенен с читателем, даже когда похвастать нечем -
например:

Там - устану, а там - недослышу,

Неожиданно дрогнет рука.

Откликается реже и тише
на событие жизни строка.

Умер Ярослав Смеляков в 1972 году, оставив несколько книжек стихов, поэм,
многие переводы с языков народов СССР, критические заметки.

Не больничным от вас ухожу коридором.

А млечным путем.

8 января 1985 г.

ДОВЕРЕННЫЙ СОЛДАТСКОЙ ДУШИ

Трижды привелось Алексею Суркову уезжать в действующую армию: в 1939 году, в сентябре - в освободительный поход в западную Белоруссию, в декабре - на финский фронт и в июне 1941 года - на Великую отечественную войну. В военные годы Сурков был фронтовым армейским газетчиком и солдатским поэтом. После войны Сурков был среди того актива советских людей, которому выпала высокая честь бороться за мир - со страниц печати и с трибун разных международных собраний и конгрессов защищать дело мира и дружбы между народами.

Родился Алексей Александрович Сурков в октябре в 1899 года в деревне Середнево, Рыбинского уезда, Ярославской губернии в семье, можно сказать, потомственных "охотников" - неласковая к земледельцу суглинистая земля заставляла заниматься отходом, то есть искать скудные заработки кузнецов, портных, пекарей, приказчиков в городах.

После февральской революции Сурков оказался в водовороте активной революционной работ, в числе организации профсоюзов. После Октября - фронт, борьба с кулацкими бандами Антонова Потом опять работа в деревне, где Сурков селькорствовал в уездной газете, занимался публицистикой и сатирой в масштабе волостной стенгазеты. Потом работал на партийной агитпропской и комсомольской работе, редактировал комсомольские газеты. Был избран на 1 съезде пролетарских писателей в правление, перебрался на жительство в Москву, где и вышла его первая книжка стихов. В 1934 году Сурков закончил институт красной профессуры, два года был помощником М.Горького в редактировании журнала "Литературная учеба".

Время, что ли, у нас такое?

Мне по метрике сорок лет,

А охоты к теплу, к покою,

Хоть убей, и в помине нет.

А потом военные дороги на дранном пикапе, "с лейкой и блокнотом, часто с пулеметом" и стихи, стихи, стихи...

Человек склонился над водой

И увидел вдруг, что он седой.

Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обед
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Во фронтовых газетах появились и лирические стихи - они тоже помогали выполнять боевую задачу. На Западном фронте, в 1942 году, перед-после боя можно унести далеко, за Каму:

Проснись и платье светлое надень,
А в косу - колокольчик голубой.
Сегодня твоего рожденья день.
Ты не одна - душа моя с тобой.

Быть солдатом, понять солдата, писать для солдата - выше долга для профессионального литератора не было:

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.

28 февраля 1942 года в газете "Литература и искусство" появились сурковские строчки, которые стали песней, которые все мы хорошо знаем:

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь.
Про улыбку твою и глаза.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

За две недели до этого в газете "Красная звезда" была опубликована "песня Защитников Москвы" - стихи Суркова тоже быстро стали песней:

Мы не дрогнем в бою
За отчизну свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной.
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

После войны Сурков много ездит по свету, представляя нашу страну, объединяя людей труда, наводя мосты дружбы и взаимопонимания между народами:

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благодарство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостей незваной нагрянет лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу.
Шапку по кругу.
12 января 1985 г.

ВЕРНОСТЬ КРАСОТЕ

Небогата внешними событиями тридцативосьмилетняя жизнь Дмитрия Борисовича Кедрина, но путь духовных исканий художника огромен.

Литературная судьба Кедрина была тяжелой - при жизни печатался редко (всего один томик Свидетели невелик по объему), рукописи возвращались. Он был горд, впечатлителен и терпеливо сносил обиды, чаще незаслуженные. Признание таланта Кедрина пришло слишком поздно - после его смерти в 1945 году. Ах, медлительные люди, вы немножко опоздали! - хочется сказать словами, взятыми из кедринской поэмы Приданное о трагической судьбе великого Фирдуси.

Большое место в творчестве Кедрина имело обращение к истории. Пирамида, Конь, Варвар, Зодчие, Ермак и приданное - понятая в историческом развороте современность.

В ряду созданных им образов выделяются русский зодчий Федор Конь, и голландский живописец Рембрандт, полупоэтичная нищая старуха Алена-Старица, командовавшая двумя полками в войске Степана Разина.

У Кедрина есть написанное по народным мотивам стихотворение Сердце. Казак спрашивает у своей дивчины Оксаны, когда же она его полюбит. Она отвечает, что полюбит того, кто принесет ей в дар материнское сердце:

Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.
Я пепел его настою на хмель,
Настоя напьюсь и - тебя люблю!
Казак с того дня замолчал, захмурел,
Борща не хлебал, саламаты не ел.
И все же принес Оксане материнское сердце.
В пути у него помутилось в глазах,
Всходя на крылечко, споткнулся казак.
И матери сердце, упав на порог,
Спросило его: Не ушибся, сынок?

До сих пор многие читатели воспринимают Сердце как народную по духу и по выполнению песню. Так стихи Кедрина делаются народными, присваиваются народом. Есть ли выше похвала художнику?

На войну Кедрин идет добровольцем. Служит в газете Сокол Родины и пишет много стихов. В дни войны Кедрин написал одно из самых проникновенных своих стихотворений - Красота. Казалось бы в суровом 1942 году поэт выбрал неактуальную тему. Но кедринские двенадцать строк, простых и ясных, несут огромный смысл - жизнеутверждения, сохранения культуры, сопротивления разрушительной силе фашизма:

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьян,
У рязанских молодок, согбенных трудом.
На току молотящих снопы спозаранок.
У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.
С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота -
Только луч того солнца, чье имя - Россия!

Довоенная лирика Кедрина чиста и прозрачна, она лишена эстетствования и, тем более, попыток поразить читателя либо техникой, либо политрой красок:

В Перово пришла подмосковная осень
С грибами, с рябиной, с ремонтами дач.
Ты больше, пиджак парусиной сбросив,
Не ловишь ракеткой теннисный мяч.
И как это наши композиторы-песенники пропустили кедринскую Осеннюю песню?
Солнце спряталось за ситцевой
Занавескою небес,
Черно-бурою лисицей
Под горой улегся лес.
Может быть осень 1940 года особенно красивой была? А может быть Кедрин заметил то, что было каждую осень (Последние пять тысяч лет):
На листе рябин продрогнувших
Заблестит холодный пот.
Дождик
Серый,
Как воробушек,
Их по ягодке клюет.
А осенью 1941 года в стихотворении 1941 Кедрин как красоту видит всю историю России, деяния народа, все, что кровным трудом нашим нажито и, обращаясь к России, пишет с жесткой ясностью:
Чтоб добру тому не быть растащenu,
Чтоб Отчизне цвести и сиять -
Голосами седых твоих пращуров
Я велю тебе насмерть стоять!
Военная лирика Кедрин удивительна: солдат напоминает ему гусаров (что бывал и декабристом):
С гасарами схож ты не очень:
Одет в меховые штаны, -
Ты просто поденный рабочий
Заводы страданий - войны.
И на войне замечает он, что на небе ни облачка, что кричат лягушки, что пахнет резедой:
А как луна посеребрила воду!
Светло кругом, хоть по руке гадай...
И мы ворчим: Послал же черт погоду:
В такую ночь бомбежки ожидай.
Всю свою короткую творческую жизнь Дмитрий Кедрин весь был в поисках истинной любви, дружбы, красоты.
20 января 1985 г

РАЗВЕДКА БОЕМ

Илья Григорьевич Эренбург был романистом, газетчиком, теоретиком искусства, драматургом, публицистом и общественным деятелем. Наряду с разносторонней писательской деятельностью он много сил посвятил поэзии, особенно стихотворному переводу.

В декабре 1908 года семнадцатилетний Эренбург был вынужден покинуть царскую Россию, спасаясь от судебного преследования за участие в революционной деятельности, и до июля 1917 года жил в эмиграции в Париже. Там он стал посетителем "Ротонды" - приюта артистической богемы, из Среды которой вышли многие знаменитые впоследствии художники, поэты, прозаики.

До нас дошли стихи Эренбурга, написанные в начале 10-х годов. В них размышляя "о том, как жизнь прошла бесследно и ненужно в Париже непонятном и

чужом", признания - "Я люблю эту жизнь, с ненасытной жадой прикасаясь я к ней!", попытки понять "убогое величие происходящего кругом" и воспоминания о Москве:

Есть город с пыльными заставами,
С большими золотыми главами,
С особняками деревянными,
С матеровыми вечно пьяными,
И столько близкого и милого
В словах: Арбат, Дорогомилowo.

В книге "Люди, годы, жизнь" Эренбург вспоминает: "Я много переводил, но переводил стихи, а их чрезвычайно редко печатали". Перелом наступил в 1912 году - вышел в свет его перевод рассказа французского поэта-символиста Ренье "Тайна графини Варвары". Эренбург переводит, открывает для русского читателя многих поэтов Испании и Франции. Начиная с 1938 года Эренбург много переводил чилийцы Пабло Неруду, с пятидесятых годов - кубинца Николаса Гильена.

У переводов Эренбурга много особенностей. Во-первых, он не признавал подстрочник, во-вторых, переводил лишь стихи, которые лично ему были близки, в-третьих, это - однолюбие, своеобразная узость выбора поэтов, языков и тем.

Французский язык с его многовековой историей, с его наречиями, диалектами, арго и акцентами стал для Эренбурга вторым родным языком, а испанский язык он доучил на слух в окопах республиканцев.

В редких сборниках можно найти переводы его песен крестовых походов, народные песни XV-XVII веков, стихи Ф.Вийона, Ронсара, Э.Потье, П.Верлена, А.Рембо, Г.Аполлинера, Ф.Жамма и многих других.

Потом была Испания. Были первые встречи с вероломством фашизма, восхищение мужеством испанского народа, отвагой бойцов интернациональных бригад:

"Разведка боем" - два коротких слова.

В окопах Испании Эренбург стал бойцом за мир, борцом за сохранение мировой культуры от всех будущих войн:

Нет, не забыть тебя, Мадрид,
Твоей крови, твоих обид.
Холодный ветер кружит пыль.
Зачем у девочки костыль?
Зачем на свете фонари?
И кто дотянет до зари?

Эренбург написал тысячи публикаций в газетах (фронтовых и центральных), в журналах (отечественных и зарубежных) - его перо боролось с врагом, его статей ждали на передовой в годы Великой Отечественной войны. Военный корреспондент Эренбург писал и стихи, но чаще их не публиковал (впервые многие из них вошли в сборник 1959 года):

...Я бы только увидеть хотел
День один, обыкновенный день,
Чтобы дерева густая тень
Ничего не значила, темна,
Кроме лета, тишины и сна.

Простое и непонятное желание, особенно, если учесть, что стихотворение датировано 1943 годом.

В 1945 году написано это стихотворение:

Чужое горе - оно как овод,
Ты отмахнешься, и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно,
Оно - горячий и мокрый воздух,

И как ни дышишь, все так не душно,
Оно не слышит, оно - кликуша,
Оно приходит и ночью ноет,
А как утешить - оно чужое.

Эрунбург прожил яркую, насыщенную событиями семидесятилетнюю жизнь борца за мир, гуманистические идеалы, знатока мировой культуры, гражданина страны и планеты:

Не променяем доли,
Не променяем нашей роли -
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя - за время.
26 января 1985 г.

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Леонид Николаевич Мартынов родился 9 мая 1905 года в Омске. Детство провел в служебном вагоне отца, техника путей сообщений и гидротехника.

Суровые края, где он рос, не были воспеты теми поэтами, чьи произведения он прочел. Из книг он знал о том, "как хороши, как свежи были розы", но вокруг чаще попадался чертополох, пропахший паровозным дымом.

В десятилетнем возрасте Мартынов прочел стихи о войне, о современности, стихи, полные ощущением завтрашнего дня. Этими стихами были "Я и Наполеон" Маяковского. Таким образом, вехи в поэзии были расставлены.

Все 20-е годы прошли для Мартынова в скитаниях: поездка в Москву, Балхашская экспедиция, сбор лекарственных растений на Алтае, Казахстан - писал стихи и очерки, печатал по изданиям провинциальным и столичным. В 30-х годах он делает попытки писать поэмы, в первую очередь, исторические: "Домотканая Венера". В поэмах, стихотворениях - рассказы о Лукоморье.

Тема о потерянном и вновь обретенном Лукоморье стала основной темой стихов Мартынова в дни Великой Отечественной войны. Где бы ни был поэт - в затемненной Москве, в освобожденных районах за Волоколамском, в глубоком тылу, - он повествовал о борьбе народа за свое Лукоморье, за свое счастье.

В январе 1960 года в предисловии к очередному сборнику стихотворений Мартынов писал: "Мне всегда была приятна, но за последнее время стала особенно ясна та простая истина, что мир каждый день нов". Всегда новым, свежим и даже неожиданным было восприятие Мартыновым новизны мира, выражение им общечеловеческих чувств с предельной ясностью:

Нельзя пальто надеть на тополь,
Ольху не кутайте в доху,
Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски
Увидеть мир, каков он есть!

Стихи Мартынова всегда содержат рифмическое "забиячество", которое стало высоким умением, сложившейся манерой:

С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово,
А потом отпускаю на волю
И его покупать никого не неволю,
Да его продавать ведь никто и не волен,
Чем я очень и очень доволен!

Мартынов воспитывает у себя (и читателя) седьмое чувство, чувство сопричастности:

Определить это чувство седьмое

Каждый по-своему прав.

Может быть, это простое уменье

Видеть грядущее въявь!

Поэзия Мартынова не боится сложных этических вопросов, вопросов эпохи НТР:

Совладать со всяческой нечистью,

Делать все,

Чтоб вновь не грянул бой;

Сталкиваться с целым человечеством

И остаться

Все ж

Самим собой!

Лирического героя стихов Мартынова отличает энергичность, резкость, динамичность состояний и реакций:

Какой ты след оставишь?

След,

Чтобы вытерли паркет

И посмотрели косо вслед

Или

Незримый прочный след

В чужой душе на много лет?

Мартынов любит жизнь за ее неоднообразность, за сложность и тонкость, за нестандартность проявлений мыслей, ситуаций, чувств:

В белый шелк по-летнему одета,

Полночь настает.

На Садовой в переулках где-то

Человек поет.

Мартынов любит людей за "пытливый ум и жить упорную способность", за "перебои в такте жизненном простом". Вот почему он так не полюбил через чур чистую воду:

Ей

Не хватало быть волнистой,

Ей не хватало течь везде.

Ей жизни не хватало -

Чистой,

Дистиллированной

Воде!

В стихах Мартынова есть особая жизнеутверждающая логика, часто они полны сверхоптимизма, с которым трудно не согласиться:

У лыжной базы - снега по колено;

Несутся снеговые облака,

В печи трещит еловое полено...

Все это значит, что весна близка!

Мартынов писал много, опубликовывал много, но не торопился с публикацией. Во втором номере "Нового мира" - его неопубликованные при жизни стихи...

27 января 1985 г.